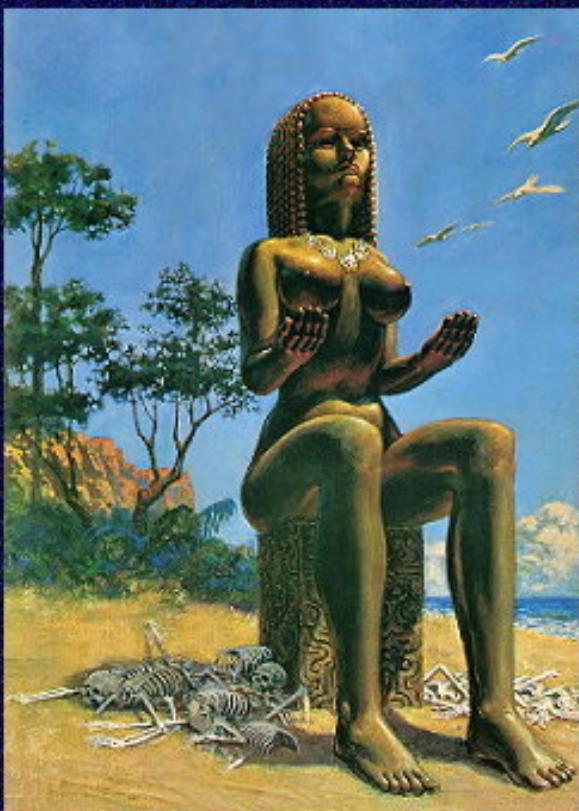

[Polaris]

Альберт Кинросс

ОСТРОВ
УЖАСА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXXXIX

Salamandra P.V.V.

Альберт
КИНРОСС

**ОСТРОВ
УЖАСА**

Salamandra P.V.V.

Кинросс А.

Остров ужаса. Пер. В. Барсукова, М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 87 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXXIX).

В небольшой повести английского писателя и журналиста А. Кинросса (1870-1929) рассказывается о потерпевшем крушение английском моряке XVI века, который в компании верного спутника — черного кота по кличке Сатана — попадает на таинственный остров, где царят волшебство и магия. Смертоносное бронзовое изваяние обнаженной женщины, заброшенный замок и бородатая ведьма — лишь немногие из чудес, с которыми предстоит столкнуться славному шкиперу Сайласу Фордреду.

ОСТРОВ УЖАСА

ОСТРОВ УЖАСА

или современное переложение рассказа
некоего Сайласа Фордреда, шкипера из города Хайт,
история пережитого коим кораблекрушения и
последовавших за тем приключений приведена ниже.
С присовокуплением приложения, где дано
рациональное истолкование мнимых чудес,
с какими столкнулся Сайлас Фордред
во время своего пребывания на зловещем острове
дона Диего Родригеса.

Изложено Альбертом Киррорсом.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Дорогой Зангвилл,

я должен поблагодарить тебя за столь многое в прошлом, настоящем и, полагаю, смело могу предсказать — в будущем. Надеюсь, ты любезно примешь это посвящение как ничтожный знак моей признательности. Что же касается самой книги, то ее содержание, опасаюсь, поразит тебя не меньшее, чем удивило

всегда и искренне твоего,

Альберта Кинrossа.

Январь, 1896 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знакомя читателей с этим давним повествованием, я изначально намеревался модернизировать язык оригинальной версии. Я никак не являюсь выдающимся ученым и более интересуюсь гуманистической стороной явлений, нежели эстетической; пытаясь пересказать эту повесть, я был настолько увлечен исходным вариантом, что для изложения ее предпочел язык простой и безыскусный. Я не стал, однако, ничего менять, так как чувствую, что неторопливая речь, которую я инстинктивно избрал, лучше раскрывает характер и окружение Сайласа Фордреда, чем резкий и четкий современный слог. Добавлю, что в оригинальной рукописи встречалось довольно много грубых оборотов, которые я почти полностью изъял; если же один-два и прокрались в мою версию, то снисходительный читатель, надеюсь, не станет заострять на них свое внимание и сочтет их лишь историческими вехами эпохи, еще не умевшей как должно выражать свои мысли и чувства.

Альберт Кинросс

Хэмпстед, 1896.

ВВЕДЕНИЕ

Прошлую зиму я провел в Хайте и, среди прочих занятий, нашел некоторое свободное время, чтобы помочь моему добруму другу Коббу, секретарю городского совета этого старого порта «Союза пяти», в разборе кипы ветхих документов, недавно обнаруженных в заплесневелом комоде, на который церковный староста Бэк наткнулся в подвале Таун-холла. Эти бумаги, по большей части, касались различных дел отдаленных предшественников Кобба, а также закупок мяса и вина для банкетов лорда-хранителя Союза и выплат церковных десятин Его Высокопреосвященству архиепископу Кентерберийскому. В те дни наши национальные враги по ту сторону канала поставляли немало пищи для размышлений достопочтенным членам городского совета, и в комоде также имелось множество отчетов о средствах, затраченных на оборонительные и наступательные мероприятия, направленные против безжалостных недругов.

В числе этих документов, многие из которых, вероятно, представили бы большой интерес для антиквара или социального экономиста, попались и бумаги, что я прочитал и трижды перечитал, прежде чем поделиться их содержанием с моим добрым приятелем Коббом. Но погодите! я лишь собирался это сделать, однако, по зре-лом размышлении, тщательно спрятал потрепанные листы в карман моего пальто — их набралась приличная стопка — и теперь, вернувшись в свой город, я перекладываю на современный язык то, что Сайлас Фордред с превеликим трудом и стараниями записал во времена доброй королевы Бесс.

Фордред расскажет вам свою историю, а вы, мои читатели (надеюсь, первейшее место среди вас займет мой

друг Кобб), вольны верить или сомневаться! Повествование Фордреда кажется правдивым, тем более что правда в те времена ценилась выше, чем в наш скептический век.

Ниже я представляю вам изъеденные временем записки Сайлласа Фордреда, изложенные в виде связного и обработанного в литературном ключе рассказа — ведь этот простоватый моряк давно прошедших лет не обладал ни стилем, ни лоском.

Считая, что всякая вещь должна быть наделена собственным отличительным наименованием, я, за неимением лучшего заглавия, решил назвать эту повесть:

ОСТРОВ УЖАСА

Пред лицом собравшегося Городского Совета города Хайт я прочитал и подpisал свое имя под сим достоверным изложением того, что постигло меня во время последнего моего плавания в Южных Морях. Если же найдутся сомневающиеся, пусть пойдут к моему дому на Стейд-Стрит и осмотрят тот необычайный баркас, что доставил меня с Острова Ужаса на добрый корабль «Королева Мэри», ка-ковой привез меня сюда. Далее, разве я не показывал вам золотую посуду из Чертога Тьмы и тринацдцать великолеп-пных бриллиантов, что висели на шее бронзового идола? И разве не видели вы кинжал испанской стали с округ-лым рубином в рукояти, равно как и два клыка, каковые я собственной рукой вырвал изо рта Ведьмы из Баш-ни? Капитан и матросы корабля «Королева Мэри» могут поведать об умирающем волосатом человеке, что был найден рядом со мной в баркасе, когда мы плыли, страдая от голода. Все написанное мной истинно, что я подтверж-даю и в чем клянусь надеждой на небесный удел.

Подписано:
Сайллас Фордред.

Засвидетельствовано:
Айвен Уолшман,
секретарь Городского Совета.

ГЛАВА I

В третий день июня 1558 года, когда королевой нашей была Мария, прозванная Кровавой, мы с Томасом Сноудом отправились из Хайта в большой порт Дувр, где стоял на якоре корабль «Славная Удача», каковой мы совместно приобрели для занятий торговлей и в рассуждении будущих доходов и процветания. Ранее мы оба состояли на службе у Диддса, состоятельного лондонского купца, у коего судов было больше, нежели у меня пальцев на ногах или на руках. Мы встали ранним утром и к тому времени, как добрались до Дувра, солнце уже близилось к зениту и жажда успела нас измучить. Мы тотчас поднялись на наш корабль, и в кубрике оказалось вдоволь еды и питья; и, насытив свои желудки, мы пошли в город Дувр, дабы подготовиться к задуманному путешествию. В тот же день мы наняли четырнадцать матросов и трех юнг, а также чернокожего родом откуда-то из мест, что за Средним Морем, каковой, как говорили, умел отменно стряпать, не разводя при том чрезмерную вонь.

Наш груз, поднятый на борт, включал детские игрушки из Чипсайда и рожки, издававшие музыкальные ноты, а также отрезы ткани для тех, кто носит одежду, и хорошие луки со стрелами и тесаки для тех, кто любит воевать.

В одиннадцатом часу, прежде чем мы подняли якорь, я припомнил Дика Уиттингтона, каковой трижды побывал лордом-мэром Лондона; и я поспешил обратно в город и прикупил двух кошек с котятами, а к ним кота, исключительно злобного и черного; кот сей изведал человеческой плоти и был продан мне ведьмой.

С рассвета мы укладывали в трюм тюки и ящики и

так устали, что спали той ночью на палубе, на второе же утро, покинув Хайт, мы подняли паруса и направились вниз по Проливу к Большим Канарам и Южным Морям.

Мне не к чему описывать здесь события первых двух месяцев нашего плавания, поскольку они во всем походили на прочие путешествия; ветра нам благоприятствовали, и торговля шла оживленно, обещая хорошие доходы.

Повар-негр отличался веселым нравом и премного нас потешал, ибо умел танцевать и петь и издавать приятное слуху постукивание с помощью деревяшек, каковые держал в руках, улыбался же он широко, словно крокодил. Да и в своем деле он не ленился и готовил первостатейные блюда, многие из каковых были для нас новыми и неизведанными, почему и казались вдвойне вкусными.

Мы пристали у Золотой Реки, что втекает в океан на западе Африки, и несколько дней выменивали у туземцев золотой песок, слоновую кость и пальмовое масло. Наш повар, черный плут, сыграл там с нами преподлейшую шутку. Когда мы снова подняли паруса, этого злорадного дикаря было не доискаться, и мы остались без повара. После я припомнил, что родной дом сего повара, по его словам, находился где-то в этих местах. Так он обманул нас и сбежал, и душа его оказалась такой же черной, как кожа.

От Золотой Реки мы поплыли на юг вдоль побережья, делая многочисленные остановки, покуда не достигли гавани, где видна была гора с плоской, точно стол, вершиной. К тому времени мы обменяли весь наш груз и причин продолжать путешествие не было никаких; и потому здесь мы развернули корабль и с превеликой радостью направились на север.

На третий день обратного плавания поднялся сильный ураган, и шесть дней и шесть ночей мы неслись по ветру с голыми мачтами, и один Господь в небесах ведал, в каких морях мы обретались, и мы взывали к Нему с утра до ночи, но Он оставался безмолвен.

На шестой день мне показалось, что наступил конец света, ибо вокруг нас вздымались такие волны, каких я никогда прежде не видал. Трюм был полон воды, и я плакал горькими слезами, когда эти волны одна за другой накатывали на наш со Сноудом корабль.

— Будь я проклят, — сказал я Томасу, моему компаньону, — эдак мы не довезем наш груз в целости; пальмовое масло того и гляди пропадет.

— Эх, — отозвался Сноуд, — из меня самого будто по капле вытекает испорченное масло, — и он покачал своей непокрытой головой, а в глазах у него застыли огромные слезы, поскольку был он человеком до крайности бережливым, хотя и неженатым.

Громадный кот, что изведал человеческой плоти, до жути перепугался, шерсть у него на хребте стояла дыбом, а глаза сверкали, как начищенная медь. И в ночь того дня, когда Томас Сноуд и я молились, алкая света и спокойного моря, ибо мы не спали и не ели все эти шесть суток, волна превыше других нависла над нами и рассыпалась на тысячи брызг, и брызги те жалили наши лица, как дождь избитого стекла, и наш корабль «Славная Удача» закачался, точно пьяница, заливший зенки элем, а нос судна поднялся в воздух высоко над нашими головами.

— Господи, спаси нас! — произнес я.

— Аминь! — сказал Сноуд, и хотя мы с ним кричали, голоса наши звучали не громче шепота. Мы слышали, как матросы взывали к Деве Марии и Иисусу, распятому и воскресшему; иные преклонили колени, другие же, возевая руки, трепетали в смертном ужасе. Нас окружали

дикие глаза и изможденные, жуткие лица, подобные мордам диких зверей, обезумевших от голода и злобной ярости. Я видел все это, словно во сне, и оставался безучастен, ибо люди вокруг меня были не те, кого я знал раньше, и ничто не казалось мне явью, и наконец корабль ушел из-под наших ног и мы, Сноуд и я, очутились в воде, в долине меж волнами, высокими, словно горы, то возносящими гребни свои, то падающими в пучину, подобно пушинкам на осеннем ветру. Мы видели головы других, качавшиеся вверх и вниз на воде, будто черные пробки, а над нами сверкали и прорезали небеса молнии и гром отдавался в наших ушах похоронным звоном. То было чудное, однако чудовищное зрелище, и думается мне, в самом аду нет ничего страшнее этих черных вод и черных лиц, что выныривали из мрака при блеске молний, свиставших вокруг, как шпаги из хладного золота. Люк, что вел в трюм нашего корабля, закрывала деревянная крышка, имевшая два ярда в длину и столько же в ширину и снабженная веревочными петлями; и вот теперь я заметил, что волна несет ту крышку прямо на меня. Я протянул руку и побыстрее схватился за веревку, покуда новая волна не успела смыть меня с этого плата; Сноуд же плыл рядом со мной.

— Дай мне руку, Сноуд, — закричал я, но он не услышал мой голос в буйстве ветра и волн, рычавших, как тысячи львов. Я протянул руку и поймал его у шеи за колья — тот был сшит из доброй прочной кожи — а он поглядел на меня (лицо его напомнило мне картину, что я как-то видел, с головой Иоанна Крестителя на блюде) и выплюнул воду из рта.

— Да хранит тебя Бог, Фордред!

Я видел, как слова слетали с его губ, но ничего не слышал.

— Аминь! — сказал я, и мы вместе уцепились за плот, спасая наши жизни, и потекли тяжкие минуты; когда

же наконец наступил серый рассвет, неподалеку оказалась земля, и волны с большой быстротой несли нас к ней. Ближе к побережью мы покинули плот и, собрав немногие оставшиеся силы, поплыли вперед; и затем огромная волна подхватила нас и швырнула на берег. Мы встали на ноги — как же радостно было вновь ступить по твердой земле! — и отошли подальше от воды.

Здесь мы сбросили свои промокшие одежды и нагими преклонили колени, дабы вознести благодарственную молитву, однако были так усталы и измучены, что тотчас повалились рядом друг с другом на землю; ноги отказывались нам служить, и мы заснули в серых рассветных лучах, голые и изможденные. Далекие земли теплее наших, и потому мы не боялись подхватить болезнь, лежа нагишом под открытым небом.

Так мы спали, утомленные пережитыми испытаниями, и лежали недвижно, покуда полуденное солнце не стало обжигать наши веки. Когда мы проснулись, небо было темно-голубым, ветер перестал бушевать и море сделалось спокойным и безмятежным, и чудилось, будто нам обоим приснился ночной кошмар, от коего мы теперь пробудились. Животы наши сводило от голода, ибо мы постились уже много часов и не могли припомнить, когда в последний раз ели. Мы со Сноудом поднялись и направились прочь от моря, в ту сторону, где высились деревья со странными плодами, что произрастают в дальних странах; мы взобрались на ветви одного из них и принялись за большую тыкву, каковую нашли у подножия дерева. Я поглядел на Сноуда и понял, что он расхаживал голым.

— Друг мой Сноуд, где же твои одеяния? — спросил я. — Выглядишь ты в точности как Адам в райском саду.

— Друг мой Фордред, — воскликнул Сноуд, — ты бы на себя посмотрел!

Я опустил глаза и удостоверился, что был голым, как и он! После я снова поднял глаза на Сноуда, однако же он исчез; я поглядел вниз и увидел, что он от смеха сверзился с ветки и катался теперь по земле с полным ртом и большими слезами на щеках.

— Сайлес Фордред, — закричал он, — я чуть не подавился!

Я тоже расхохотался и продолжал смеяться, покуда в свою очередь не сверзился с ветки, угодив Томасу Сноуду на брюхо.

— Ну уж нет, эдак мы оба подавимся, — сказал я и снова расхохотался; но Сноуд молчал, потому как я лежал у него на брюхе и ему было нечем дышать.

Поев, мы неторопливо вернулись к тому месту, где оставили свою одежду, каковая уже высохла, но невероятно села от воды и жаркого солнца. Затем мы спустились к морю, гладкому и спокойному.

— Господь спаси нас, Фордред! — вскричал Сноуд.
— Где же мы очутились?

— Да, где же мы? — подхватил я. И мы посмотрели влево, и вправо, и оглядели все, что было вокруг и над нами; и, осматриваясь таким образом, мы увидали не что иное, как огромного идола, гигантскую статую, всю сверкающую и отлитую из бронзы — таким, как рассказывают мореходы, поклоняются на островах, что лежат за землями Катая и прозываются Ниппоном. Мы протерли глаза, дабы убедиться, что мы не грезим. О да, статуя была по-прежнему там, и изображала она огромную женщину со спокойным лицом; на женщине той не было ни накидки, ни каких-либо иных одеяний. Глаза ей заменили широкие отверстия, и в этих пустых глазницах и вокруг них вились морские птицы, а другие восседали, точно на жердочках, на ее грудях, коленях и стопах.

— Любезный Фордред, — сказал Сноуд, — ежели это и вправду божество сих мест, нам стоило бы выказать

ему свое почтение, что было бы только подобающим.

— Нет, — возразил я суровым и громким голосом, — Томас Сноуд, лучше нам будет перекреститься и вознести хвалу Деве Марии, каковая недавно спасла нас от смерти чрез утопление!

— Ты прав, любезный Фордред, — ответил он, и мы с ним дважды прочитали Господню Молитву, ибо то была единственная молитва, каковую мы знали наизусть.

После этого мы, преисполнившись отваги и без всякого страха, приблизились к идолу и поглядели на его лицо, на его громадный нос, на дыры, заменявшие глаза, и на шею — а на шее той висели искрящиеся камни, прозрачные и сияющие, словно бриллианты, что я видывал в ювелирной лавке, только эти камни были куда больше всех, какие я видел до тех пор, хоть я и был в лондонском Тауэре и лицезрел огромный рубин в короне Генриха V Азенкурского.

— Вот это бриллианты! — сказал Сноуд.

— Не стану возражать, — отозвался я.

Далее мы снова оглядели статую от макушки до пят и заметили, что у ног гигантского изваяния были разбросаны человеческие кости — черепа, кости ног и рук, ребра.

— Ты видишь это, дружище Сноуд? — спросил я.

— Да, вижу. Этих людей принесли в жертву. Я слыхал, что такое заведено среди язычников.

Надобно сказать, что у Томаса Сноуда всегда был готов слететь с языка ответ или объяснение, даже если он ничего не знал о предмете беседы. То была его главная слабость — мелкий недостаток, ибо в остальном он был самым бравым из мореходов, когда-либо ступавших на палубу корабля.

Мы пригляделись к скелетам и увидали, что все они были сломаны посредине, так что верхние половины лежали с одной стороны, а нижние — с другой.

— Ты видишь это, дружище Сноуд? — спросил я, и мысли мои устремились к костям в усыпальнице церкви Хайта.

— Ну да, — ответил он, как было у него заведено, — видать, такой у них способ приносить жертвы.

Некоторое время мы раздумывали, что же это за божество и чьи кости белеют у его ног.

И вновь мы впились взорами в огромные прозрачные камни, блестевшие ярче, чем женские глаза.

— Это нас они дожидаются, — сказал Сноуд. — Не желаешь ли залезть наверх и забрать их? До камней будет нетрудно добраться. Иначе, не ровен час, заявятся идолопоклонники, и тогда будет слишком поздно.

— Прояви мудрость, друг мой Сноуд, — ответил я, — и считай, что тебе посчастливится, ежели эти идолопоклонники не принесут тебя в жертву. Бриллианты могут подождать: упаси Бог, нас найдут обитатели этой земли, и камни те дорого нам обойдутся.

С этими словами я повел его прочь; мы шли весь день и не увидели ни единого человека или людского жилища. Ели мы фрукты и ягоды и ловили больших крабов, что выползали из моря и силились нас ущипнуть. Мы били их камнями и обломками утесов, раскалывая панцирь, после чего они умирали. Мясо тех крабов было сырое, но голодный человек обойдется и без повара.

Той ночью мы спали под густым деревом, близ ручья, откуда мы пили воду. Проснувшись на следующее утро, я нашел себя в одиночестве: Томаса Сноуда нигде было не видать.

— Сноуд, Томас Сноуд! — звал я, покуда у меня не заболело горло. Ответа не было. Наконец я вспомнил о бриллиантах и неуемном вожделении, что сверкало вчера в глазах Сноуда.

Я мигом вскочил на ноги и стремглав помчался к морскому берегу, туда, где стоял большой бронзовый

идол с блистающим ожерельем на шее; приблизившись, я увидал, что Сноуд карабкается по статуе, перебираясь с громадных пальцев ног на колени.

— Слезай вниз! — вскричал я. — Слезай вниз, ты, вор, богохульник и вор, не навлекай на свою голову несчастье, ибо тяжким будет наказание!

Так я говорил Томасу Сноуду, поскольку Господь даровал мне честную душу.

Он не послушался, и вновь я возвзвал:

— Слезай вниз, Томас Сноуд!

Однако же он не отозвался; и вот он положил руку на выступающую грудь, стоя на бронзовых коленях, а затем, когда он потянулся к шее, на коей искрились драгоценности, огромные бронзовые руки сомкнулись — о да, сомкнулись, готов поклясться, — и быстро и крепко обхватили Томаса Сноуда, да так, что его голова и туловище полетели в одну сторону, а живот и ноги в другую, и прямо к моим ногам; и я стал креститься, упав на колени, и увидал, как руки этого проклятого истукана снова разошлись в стороны, распростертые и пустые, как и прежде, а Томас Сноуд лежал у моих ног, разорванный пополам, и тогда я понял значение тех сломанных скелетов, расчлененных посередине, и принял грозить кулаком нечестивому идолу, но руки его оставались распростертыми и недвижными, а большие прозрачные бриллианты издевательски сверкали на утреннем солнце.

Несколько минут яостоял на коленях, охваченный страхом, весь дрожа и гадая, в какой дьявольский край меня занесло, и тут, стоя на коленях, почувствовал, как что-то мягкое и одновременно плотное нежно прикоснулось к моему бедру, и в то же время услыхал низкий звук, подобный тому, какой издает довольный кот. Я глянул и увидал, что ко мне ласкается черный кот с корабля, тот самый, что изведал человеческой плоти и жил ранее у ведьмы. Был он до крайности дружелюбен и морда его

выражала доверчивость; однако же, несмотря на это, я поспешно поднялся, вспомнив о теле бедного Томаса Сноуда, что лежало бездыханным и расчлененным на двое, и показалось мне, что я вовремя вскочил, ибо нужно было похоронить его во избежание греха. Я поискав вокруг и нашел камень, широкий и плоский, как лопата, и принялся рыть яму в мягком песке, и в десять часов того дня, судя по солнцу, я похоронил Томаса Сноуда, то бишь все бренные останки бравого морехода. И когда песок толстым слоем сомкнулся над ним, я не позабыл прочитать молитву и снова воззвал: «Отче наш, иже если на небесех», ибо то была единственная молитва, каковую я мог произнести без помощи книги или священника. Я остался один, и когда слово «аминь» слетело с моих губ, чувство неизмеримого одиночества и заброшенности объяло меня со всей силой, и на сердце у меня было тяжело, и слезы жалости к себе навернулись на оба моих глаза. Я едва не зарыдал и лежал, беспомощный и лишенный всякой надежды, покуда с немалым усилием не сказал себе: «Сайллас Фордред, ты мужчина, так будь же мужчиной». Это я повторил трижды, ощущая, как с каждым повтором ко мне возвращаются силы, и туман перед моими глазами рассеялся, хотя слезы медленно стекали по обе стороны носа и падали вниз на жаждущий песок. Я снова ясно видел все вокруг, и черный кот был передо мной и жалостливо заглядывал мне в лицо, точно желал разделить тяжкую ношу моей печали. Я бережно усадил его себе на колени, и так мы сидели, однокие и заброшенные на этом пустынном берегу, и размышляли о том, что еще уготовила нам эта ужасная земля бронзового идола.

ГЛАВА II

На следующее утро мы с котом устроили совет — предыдущую ночь мы спали вместе, ибо каждый из нас нуждался в товарище.

— Черный ведьминский кот, — сказал я после того, как долго, пристально и с раздумьем глядел на него, — ты ведаешь колдовство и потому веди, я же последую за тобой, — и, произнеся это, я легко прикоснулся к голове зверя, и он посмотрел мне в глаза без страха, как друг. После чего, подняв хвост и расправив влево и вправо усы, он направился прочь от моря; я следовал за ним, и два дня и одну ночь мы путешествовали по густым лесам, что перемежались тут и там плодородными равнинами, могущими служить такими же прекрасными пастбищами, как низины вокруг города Ромни.

На второй день наших странствий, ближе к вечернему часу, мы вышли к холму, на вершине коего стоял красивый замок, каковой, ничуть не будучи древним или разрушенным, тем не менее выглядел заброшенным и позабытым, поскольку весь порос мхами, сорнями травами и вьющимися растениями; все те растения буйно процветают в южных землях и за год успевают вырасти настолько, что в нашей стране на это потребовалось бы десять лет.

— Черный кот, — сказал я, — давай войдем.

Мы вместе взобрались по склону холма к красивым арочным воротам из прочного дерева, украшенным кованым железным орнаментом. Эти ворота в замковой стене вели к круглой башне, подобную какой я видал в детстве в Биндзоре, в замке короля Гарри, у коего было шесть жен. Вокруг царила мертвая тишина, и из самого замка не доносилось ни звука. Я удивленно смотрел

вверх, на буйно разросшиеся высоны и сорняки, на окна, покрытые толстым слоем пыли и сажи, и на каменную кладку, пострадавшую от непогоды, и на окружавший замок сад, где не произрастали ни плоды, ни цветы, лишь бесполезные деревья и обычная трава, точно в лесах, каковые мы пересекли по пути сюда.

Теряясь в догадках по поводу того, кто мог обитать в сем заброшенном дворце, я огляделся вокруг в поисках входа. На воротах висел большой бронзовый дверной молоток в форме раскрытой ладони, будто протянутой в приветствии. Он висел на петле, и суставы пальцев были сделаны большими и тяжелыми, так что удар прозвучал бы очень громко. Я протянул было руку к молотку, намереваясь поднять его и ударить в ворота, однако же вспомнил о бедном Томасе Сноуде и о постигшей его судьбе.

— Черный кот, — сказал я, — тут потребна стратегия и потребна хитрость; не владей я этими искусствами, разве я, Сайллас Фордред, был бы шкипером?

И, сказав так, я расстегнул свой ремень из доброй кожи, что обошелся мне в гроут и пенни на ярмарке в Кентербери, обмотал его вокруг бронзовой ладони, приподнял молоток — и, о диво, бронзовые пальцы сжали ремень и сомкнулись на нем, что твоя львиная пасть, совсем как руки идола вокруг бедного Томаса Сноуда. Я громко рассмеялся при виде этого зрелища, и кот рассмеялся тоже, ибо я сумел уберечься от жестокого устройства и перехитрить какого-то необычайного и злобного колдуна. Я высоко воздел руку, держась за ремень, а затем разжал хватку, и бронзовый кулак с грохотом ударил в ворота; в тот же миг они широко распахнулись изнутри без всякой человеческой помощи. В угасающем свете дня я увидел просторный зал с выложенным мозаичными плитами полом; на полу лежали богатые ковры и звериные шкуры, на стенах висели гобелены и скрещива-

лись редкостные копья, баклеры и мечи. Здесь и там располагались низкие кушетки, казавшиеся мягкими и манящими — радостное зрелище для глаз и услада для тела человека, многие месяцы не отдыхавшего в уюте и праздности. Солнце быстро садилось — темнота в тех краях наступает стремительно — и потому я подумал, что было бы неразумно входить в замок в столь поздний час, и решил провести ту ночь на склоне холма, сочтя, что отдых там будет безопасней, нежели в большом зале.

Черный кот, коего я в шутку назвал Сатана, лежал рядом со мной, как и в другие ночи, ибо к тому времени бесконечно мне доверял и видел во мне друга. Глаза наши то и дело устремлялись сквозь темноту к черному силуэту замка и, хотя в здании было много окон, мы не замечали ни малейшего лучика света в какой-либо из комнат. Только раз мне почудилось, будто в круглом окне башни зажглось тусклое свечение, напоминавшее отсвет лампы; я пригляделся — и оно исчезло; поглядел снова и понял, что то был лунный луч, нарисовавший на окне серебристое пятно. Утром, когда яркое солнце высоко поднялось в небе, я умылся и выпил воды из ручья, дабы заручиться ясностью рассудка, а затем вошел в ворота замка. Бронзовая рука по-прежнему сжимала мой кожаный ремень.

Сатана первым проследовал в зал; то была просторная палата, по обеим сторонам коей шли стены с множеством дверей, а в дальнем конце уходила вверх широкая лестница, по какой мы беспрепятственно поднялись.

Было бы не к чему описывать все то, что имелось в этом замке; достаточно будет сказать, что он походил на дворец знатного человека, и были там резные стулья и кровати с высокими балдахинами, какие я видывал во дворце Хэмптон-Корта при посредстве моего друга

и обитателя сего достославного жилища, Роджера Крыловса.

С превеликой осторожностью мы заглядывали во многие комнаты, но ничего дурного с нами не приключилось; затем мы спустились по лестнице и осмотрели комнаты, выходящие в главный зал, после же прошли еще дальше, к кухням и кладовым, где нашли груды сушеных фруктов и овощей, а также запечатанные жестянки, которые мы вскрыли; в них находились большие куски мяса — говядина, свинина и бычьи языки.

Мы уселись и пировали до тех пор, пока внутренности наши не растянулись донельзя и мы не стали испытывать жажду, что была посильнее голода; тогда мы встали, решив спуститься к ручью, что бежал у подножия холма, на коем стоял замок, и там вдоволь напиться воды.

Однако же, когда мы вновь пересекали большой зал, случилась престранная и удивительная вещь. Я наступил на квадратную плитку — она была зеленого цвета и располагалась в самом центре мозаики, украшавшей пол — и та зеленая плитка поддалась под моей ногой, и потому, опасаясь какого-либо нового колдовства и будучи охвачен смертельным ужасом, я высоко подпрыгнул в воздух. По счастью, ноги мои были хорошенъко поджаты, ибо меж стенами молниеносно скользнуло длинное стальное лезвие, подобное гигантскому мечу. Оно прошло очень низко, над головой Сатаны, кота, и немногим ниже моих ступней. То было на диво хитроумное колдовство, ибо я неизбежно приземлялся на ту зеленую плитку, каковая была очень широкой, и снова, и снова, и вскоре должен был устать, не имея более сил прыгать, и тогда... — от этой мысли я содрогнулся. Трижды я подпрыгивал высоко в воздух, как девчонка, скачущая через веревочку, но моей веревочкой был стальной нож, острый и безжалостный; прыгая, я думал о многих вещах, и все они были весьма ужасными и

неутешительными; и трижды свистело подо мной длинное стальное лезвие, скользя низко над полом от стены до стены. На четвертый раз я вновь опустился на зеленую плитку, но на сей раз сила заклятия рассеялась; меч ринулся вперед, как и раньше, но вместо того, чтобы пролететь от стены к стене, он вдруг изменил направление, закачался и благополучно упал на пол, мертвый и бессильный. Колдовство, побудившее его рубить все на своем пути, более не действовало. Я осторожно притронулся к мечу указательным пальцем, и он не пошевелился; я потряс его сильнее, и он не двинулся. То было длинное лезвие во всю ширину зала, несколько заржавевшее, неухоженное и давно не ведавшее рук оружейника, но тем не менее острое и хорошо закаленное.

«Да, — подумал я, — магия дьявола, твоего кузнеца, покинула тебя, хвала Господу, ибо ты — воистину проклятое и нечестивое изобретение». Словно во сне, я мысленным взором увидал себя: вот я прыгаю в воздух и наконец, обессиленный и усталый, более не в состоянии прыгать; и то, что представилось затем моему воображению, вновь заставило меня содрогнуться. Я отошел от распластерного лезвия, вернулся к зеленой плитке и наступил на нее кончиком ноги, и длинный нож затрясся, точно раненый на охоте зверь в смертной агонии, но с пола не приподнялся.

— Магическое лезвие, нет в тебе более магии, сила твоя исчезла! — громко сказал я и с этими словами отломил кончик меча двумя руками, предварительно обмотав их покрывалом, взятым с одной из кушеток, что стояли вокруг. Согнувшись, я трудился в поте лица, и лицо мое сделалось багровым, но, когда я закончил, огромное лезвие было разломано на пять частей и бессильно причинить кому-либо новое зло.

Испытывая сильнейшую жажду, мы с Сатаной поспешили вниз по холму к ручью. Здесь мы вдоволь напились, и как же хорошо было вновь оказаться на открытом воздухе, под привольным небом, не чувствуя никаких страхов и не зная забот. Остаток дня мы провели в прохладной тени лесных деревьев, слушая, как обезьяны и птицы с многоцветным оперением болтают в ветвях.

Сатана, черный кот, лежит мертвым и непогребенным в чужом краю, и глаза человеческие не видели его смерти. Последний его час, думаю, был страшнейшим в моей и его жизни, и в тот час, возможно, я не помышлял о нем, а он обо мне; и однако теперь, пережив все опасности, я каждодневно вспоминаю о нем, и слезы подступают к моим глазам, ибо он был дорог мне, а я ему, и я никогда не забуду те испытания, что мы с ним разделили. Ночью я снова поднялся на холм и бродил вокруг замка, ибо мной овладел дух беспокойства и я никак не мог заснуть. Ни в одном окне не горел свет, и все было, как прежде, черным и безжизненным. Лунный луч вновь высвечивал на окне серебристое пятно, однако луны в небесах не было, лишь воинство звезд, чудесно ярких и висевших низко на землей, как звезды всех отдаленных стран.

После я крепко заснул, но прежде, чем закрыть глаза, я долго думал о том пятне лунного света на круглом окне башни — ибо, хотя луны не было видно на небесах, я определенно видел лунный луч, бледный и серебристый; и я решил, что поднимусь на башню, дабы уяснить, откуда взялся тот странный свет, что так озадачил меня.

Поутру мы с Сатаной вновь отправились в кладовую на поиски пропитания. Мы снова набили животы, и были снедаемы превеликим аппетитом. Из кладовой вела под землю каменная лестница, по коей мы после спустились медленными и осторожными шагками. Стены

той лестницы были влажными и покрытыми плесенью, и воздух в подвале внизу оказался сырой и затхлый, будто вокруг стоячего болота. Бледные лучики света проникали внутрь сквозь дыры в стенах, и мы без труда, не теряясь в догадках, распознали, для какой надобности служило то помещение. Под ногами была голая, ничем не вымощенная земля, и во все стороны простипалось громадное подземелье, потолок же со многими сводами поддерживали бесчисленные колонны. В Кентерберийском соборе, где покоится прах св. Фомы Бекета, имеется похожий склеп, однако многое просторней, нежели помещение, что Сатана и я изучали тем утром. Вокруг было много бочонков, красивых стеклянных бутылей и керамических сосудов с дорогими винами и маслами; также имелись прихотливо раскрашенные сундуки, наполненные листьями неких неизвестных растений. Я с умеренностью отведал дорогих вин, что мы обнаружили, попробовав многие сорта разнообразных цветов; и каждое было редкостней и дороже любого напитка, что я пробовал прежде. На всем вокруг лежал толстый слой пыли и паутины, и мне подумалось, что немногие люди пили столь древние и отменные вина; однако же, по причине окружавшего нас колдовства, я сдержал свои естественные желания и запретил себе пить больше, чем мог выпить без вреда для разума и здравого смысла, хорошо понимая, что в этот день, как и в предшествующие, мне понадобится вся моя рассудительность.

Далее в этом огромном погребе имелось пространство, обнесенное деревянной оградой, где стояли бочки; крышки двух или трех провалились внутрь, и содержимое их просыпалось на землю перед ними. Я перебрался через ограду, Сатана же протиснулся сквозь прутья.

— Порох, провалиться мне на этом месте! — воскликнул я, трогая черные зернышки, рассыпанные по земле.

Я не мог извлечь особую пользу из столь опасного соседства, однако же подумал так: «Ежели опасности и колдовство, что ежечасно преследуют меня, не прекратятся, я могу и потерять терпение, и тогда весь этот замок со всем его волшеством взлетит у меня на воздух»; ибо я не страшился всего того запаса пороха, как произошло бы с некоторыми, но видел в нем союзника: разве не пригодился бы он мне, как любому другому умелому человеку? Мы с Сатаной проследовали дальше по подвалу, напоминавшему склеп, и в дальнем конце его нашли еще одну лестницу. Мы с привычной осторожностью поднялись по ступеням и вскоре очутились в обширных покоях, о каковых доселе не ведали. Эта новая палата не походила ни на какую из тех, что мы видели раньше, будучи пустой и превышая размерами любое из жилых помещений; со своим высоким и сводчатым потолком она скорее напоминала внутренность церкви, нежели покой во дворце знатного господина. В той комнате имелись наковальни, и формы для отливок, и горны, пустые и давно потухшие, а также странные механизмы, о предназначении коих я мог лишь строить догадки, и все эти вещи были порыжевшими от ржавчины и прогнившими от долгого бездействия. Это помещение напомнило мне громадную кузницу, но иного, более хитроумного сорта, нежели любая кузница, что я видывал. Вдоль стен тянулись полки, на коих стояли большие склянки и ларцы; имелись там и сундучки с ящиками, наполненные плотницкими принадлежностями — винтами и гвоздями, буравами, напильниками и заклепками. Нашлись также коробки, полные тонких деревянных палочек с красным веществом на кончиках; когда я потер одну из них о другую, они тотчас загорелись. Тогда я вспомнил о порохе в подвале и положил коробку с этими огнivами в

карман, дабы иметь возможность в случае нужды быстро ими воспользоваться.

Я немало дивился при взгляде на длинный ряд сосудов, многие из коих были стеклянными, ибо заметил, что в них содержались разноцветные жидкости, и на всех были надписи на странном языке — донельзя странном, поскольку буквы были английскими, но прочитанные мной слова не имели для меня никакого смысла. Я приподнял крышку одного из сосудов, и оттуда поднялся столь тошнотворный запах, что я лишь с большим трудом удержался от рвоты. Открыл я и еще один сосуд, и воздух вокруг меня заполнился красно-коричневым зловредным дымом, столь густым и мерзким, что я едва не задохнулся, вдохнув эти испарения. В конце комнаты имелся широкий дверной проем, куда мы с Сатаной помчались со всех ног. Отворив дверь, мы увидали заброшенный сад, окружавший замок. Мы долго стояли на пороге, с превеликой благодарностью вдыхая чистый и благовонный воздух.

Дверь из той комнаты выходила на задворки замка, и перед нами простирались запущенные дебри сада, приведшего в столь прискорбное расстройство. По саду были разбросаны скамейки и беседки, все поросшие мхом и едва узнаваемые; мы присели и стали размышлять о нашем окружении, удивляясь тому, как все это здесь оказалось и каким образом пришло в нынешнее плачевное и неухоженное состояние.

— Это похоже на сказку о Спящей красавице, дружище Сатана, — сказал я, почесывая макушку кота.

Причмокнув губами, я продолжал:

— Быть может, я поцелую принцессу, она пробудится и начнет честить меня, приняв за обросшего бородой разбойника.

Я подпирал рукой подбородок и чувствовал под пальцами свою длинную и густую бороду; сколько же еще

дней я, Сайлас Фордред, не увижу цирюльника? Мои волосы тоже были длинными и нечесанными, и воистину, погляди на меня принцесса, она повернулась бы, боюсь, на другой бок и попыталась бы заснуть снова.

С подобными мыслями я бродил меж спутанных кустов и паутины выющих растений, что цеплялись за мои ноги, заставляя спотыкаться, в то время как зеленые усики завивались вокруг моего лица и пальцев, наполняя воздух влажным и несколько гнилостным, однако не лишенным приятности запахом. Мы неторопливо прошли таким образом несколько сотен ярдов и очутились на лужайке, где стояли три здания с запертymi дверями. Все они были каменными, простых очертаний, с низкими крышами; по виду их нетрудно было догадаться, что в каждом строении имелась всего одна комната. Мы бродили вокруг них, испытывая острое любопытство, однако теперь мы уже приучены были действовать медленно и осмотрительно, даже с опаской, и довольствовались тем, что решили вернуться в лес, как и в предшествующий день, дабы убить время и обдумать, что мы будем делать завтра.

В лесу было тихо, за исключением шелеста листьев и криков и шорохов птиц и зверей; Сатана блаженно улегся рядом со мной, положив голову на вытянутые лапы. Внезапно, однако же, черный кот вскочил, шерсть его встала дыбом, тело изогнулось дугой, а когти показались из своего укрытия.

— Что стряслось, дружище Сатана? — вскричал я и, проследив за его взглядом, понял, что причина для тревоги имелась. Чуть в отдалении стоял и смотрел прямо на нас человек, весь голый и волосатый, точно обезьяна.

Я поднялся на ноги и увидал, что оружия при нем не было. Это придало мне некоторую отвагу, и я громко воскликнул:

— Волосатый человек! Кто ты и что тебе надобно?

Он ничего не ответил, и лицо его выразило ужас — лицо же то было коричневым и посветлее, нежели бывает у негров.

— Подойди ко мне, ты, человек-обезьяна, — сказал я громко и отчетливо.

Он издал пронзительный вопль, повернулся и исчез в лесу. Я устремился за ним со всею возможной быстротой, но сей волосатый человек оказался проворным и резвым, словно гончая, и не успел я пробежать несколько ярдов, как потерял его из виду. Задыхаясь, я вернулся к Сатане, коту.

— Пожиратель человеческой плоти, — сказал я, — мы не одни. Быть может, это страна волосатых людей — и колдунов.

Кот Сатана замурлыкал в знак согласия.

— Надобно наблюдать и ждать, — сказал я, — и небеса придут нам на помощь; ибо, о кот, хоть и черен твой окрас, ты выказал себя истинным христианином.

Я привлек его к себе и с большим расположением потерся щекой о его черную морду.

В тот день мы более не видали волосатого человека, равно как и других мужчин или женщин подобного рода и природы. Ночью, когда я смотрел на холм и замок, на башенном окне вновь показалось пятнышко серебристого света. Я твердо решил, что на следующий день поднимусь по лестнице и исследую башню, куда еще не заходил; ибо на небе не было луны, и я премного удивлялся тому, почему и как это пятно серебристого цвета сияло каждую ночь в окне башни без видимой причины и естественного источника.

ГЛАВА III

Наутро мы с Сатаной направились в кладовую, где каждодневно добывали мясо и прочие припасы. День выдался гнетущим, небо было темным, и дождь лил сверху густыми струями; поэтому мы съели больше необходимого, а также вдосталь и даже более напились вином из подвала внизу. Хорошо помню, что я опустошил бутыль красного, и бутыль белого, и еще одну бутыль красного, ибо свинцовое небо повергало меня в печаль, а теплое вино утешало. К полудню я позабыл о всех своих заботах и принял распевать непристойные песни, сидя на полу с Сатаной, коего заставлял лакать вино из блюдца.

— Сатана, старый ты ворон! — вскричал я. — Что за славная таверна! Не заплатишь ли по счету?

Он двинулся ко мне, но шел не по прямой, а по кривой, да и морда его вытянулась и походила скорее на морду глупой овцы; вино бросилось коту в голову, и лапы его разъезжались, а голова тряслась.

— Ах ты, пьяный негодяй, — закричал я, — убирайся отсюда! Да у тебя в карманах ни гроша, и нечем тебе заплатить за выпивку! Пошел вон, черный бродяга! — после чего мы упали друг другу в объятия и принялись кататься по полу, совершенно счастливые.

Затем я вспомнил о башне и о серебряном лунном луче, что освещал окно последние три ночи.

— Дружище Вельзевул, — сказал я моему спутнику, — мы с тобой пойдем в башню и выясним, что в ней скрывается — быть может, там живет вторая луна; веселей, разгульный кот, вставай на все четыре лапы и веди нас!

Мы выбрались в зал и стали подниматься наверх, покуда не дошли до двери, выходившей к винтовой лестни-

це, что вела, как я правильно предположил, к комнате в башне.

Не забуду, как мы поднимались, виток за витком; ступени были каменными, и мы придерживались за влажные стены, бормоча себе под нос и то и дело громко хохоча, ибо вино бурлило у нас в головах, и ноги наши шли в одну сторону, а туловища в другую. Наконец мы дошли до верхней площадки лестницы, и я распахнул обитую медью дверь. Перед нами были круглые покои; пол был усеян громадными фолиантами; в дальнем конце комнаты свисала с потолка до пола красная штофная портьера. При входе в ту комнату нас встретил вопль, пронзительный и навевающий страх, точно крик ночной птицы. Я огляделся и увидел, что с низкого стула поднялась древняя карга, согнутая почти пополам, с безжизненным лицом и длинными пучками волос, пожелтевших от времени. Два длинных зуба, коричневых, будто жареный миндаль, выдавались по обеим сторонам ее рта, а на подбородке торчала реденькая бороденка, за каковую я ухватился, глядя старухе в лицо и подтаскивая ее к себе. Глаза у нее были маленькие и злобные и напоминали стеклянные бусины.

— Ты чем здесь занята, старая карга? — спросил я, крепко держа ее за бороду, дабы пристальнее взглянуться в ее лицо, ибо многое из окружавшего меня двоилось в моих глазах, о да, а кое-что троилось. Она положила свою сухую и тощую руку с толстыми черными венами на мою и зашипела, точно змея, напрягая свои слабые силы, дабы высвободить бороду.

— Ты чем здесь занята, старая ведьма, заклятиями и колдовством? — спросил я еще раз. Затем я обернулся к Сатане, жившему некогда у ведьмы.

— Знаешь ты эту леди? — спросил я недобрыйм голосом. Черный кот, на удивление уверенно и трезво, прижался ко мне. — Сатана, ты, коего купил я у ведьмы, ты,

ведающий пути колдовства, ответь, будет ли безопасно оставить сей старой карге жизнь и не стоит ли мне немедля вышвырнуть ее из башенного окна?

С этими словами я подтащил ведьму еще ближе к себе и сделал вид, будто вознамерился осуществить свою угрозу.

— Поверь, любезный сэр, то была не я, — захныкала она.

— Значит, ты говоришь по-английски? Да, я и позабыл, что ты ведьма и умеешь говорить на всех языках.

— Поверь, милостивый сэр, я не причинила тебе никакого вреда; молю тебя, отпусти мою бороду.

— Значит, то была не ты? — вспыхнул я. — И ты не причинила мне никакого вреда? И ведать не ведаешь, какие дьявольские козни свили гнездо под этой крышей, ты, Ведьма из Башни? Неужто и меч, что давеча летал у меня под ногами — не твоих колдовских рук дело?

— О нет, любезный сэр, — всхлипнула она. — Я не имею власти ни над тем мечом, ни над бронзовой рукой на воротах. Я страшусь их, как и ты. Я просто старая женщина и вовсе не ведьма; молю, любезный сэр, отпусти мою бороду, ибо мне очень больно.

— Да помогут тебе небеса, если ты солгала, — сказал я и разжал руку.

Она отступила, бормоча что-то про себя на неведомом языке; во взгляде ее сверкнула неукротимая злоба, и я содрогнулся при виде столь ужасного выражения лица ведьмы.

Я повернулся к моему другу Сатане, каковой, невзирая на временное прояснение рассудка, был все еще порядком пьян. Теперь он растянулся на полу комнаты и крепко спал, резко дыша через нос, так что я видел, как поднимались и опускались его усы.

— Вставай, дружище Сатана! — вскричал я, теребя его ногой. — А ты, старая карга, берегись!

Я несколько раз обошел комнату, поднимая и перелистывая разбросанные повсюду громадные фолианты; я не мог понять в них ни слова, хотя в детстве был хорошим учеником и меня намеревались отдать в священники, и я прилежно учился, покуда не оставил монастырь ради океана, что привлекал меня куда больше. Затем я остановился перед круглым окном, каковое видел снизу; с другой стороны башни имелось другое окно такой же формы и размера. Мы находились высоко над землей, и я видел леса, луга и морской берег, и куда бы я ни взглянул, повсюду простиралась синева далекого океана.

— Следственно, это остров, остров бронзовых идолов и бородатых мегер, не так ли, старая змея? И как он называется? — воскликнул я.

— У него нет имени, — отвечала она.

— А у тебя?

— И у меня нет имени.

— В таком случае, отныне ты будешь прозываться Ведьмой из Башни. Давай же спустимся в подвал и отметим твое крещение!

Я положил руку ей на плечо и ощутил, как она дрожит от страха под моей ладонью. Я человек по натуре не жестокий и тотчас смягчился.

— Не бойся, — вскричал я, — покуда ты не чинишь зло и ведешь себя добропорядочно, тебе ничто не угрожает. Я не колдун и не маг, а всего-навсего простой моряк Сайллас Фордред, шкипер из Хайта.

Она сстроила чрезвычайно неприязненную гримасу.

— Я люблю моряков. Они смелые и свободные, как океан, — сказала ведьма.

— О да, ты любишь их, точно сирены. Знаю я твою любовь — избавь меня от нее.

— Ты издеваешься надо мной, потому что я старая и

иссохшая; где же твоё великодушие, Сайлес Фордред, шкипер из Хайта? Нет в твоих словах ни чести, ни храбрости.

— Возвращайся к своим чарам и заклятиям, — и я взглянул на разбросанные по комнате фолианты. — Но погоди-ка, — продолжал я, — откуда берется то пятно лунного света, что я вижу по ночам на окне?

Вместо ответа ведьма нажала пружину на стене и — чтоб мне провалиться! — в стеклянном шаре, висевшем над нашими головами, зажглась бледная нить, светлая, как лунный луч.

— Да уж, странная у тебя лампа — не иначе, как еще одно из твоих колдовских ухищрений; смотри же, чтобы она никому не повредила.

— Это лишь невинное и очень простое изобретение, — запротестовала она.

— Так и быть, но запомни хорошенько, что я тебе сказал. А теперь прощай — и оставайся в своей башне; ибо, ежели я встречу тебя внизу, то нанижу тебя, как вальдшнепа, на один из твоих собственных мечей.

Она скривилась с исключительной злобой, и ее тонкие губы завернулись внутрь над беззубыми деснами, в то время как два клыка по углам рта уперлись в морщинистый подбородок.

— Пойдем, дружище Сатана, — сказал я, подталкивая ногой сонного кота, — пора уходить.

Мы вместе спустились по лестнице, и обитая медью дверь захлопнулась у нас над головами; затем мы направились вниз по склону холма к огибавшему лес ручью, где собирались в безделье провести долгие послебеденные часы.

С удобством полеживая на траве, мы размышляли о событиях дня и о том, что они нам уготовили. Вчераший волосатый человек более не появлялся близ нашего лагеря, и мы не видели других следов либо приз-

наков обитания других человеческих существ, и потому ничто не мешало нашим размышлению. В сумерках бледный свет вновь загорелся, как и прежде, в круглом башенном окне, и вскоре после заката мы заснули, не мало устав от вина и волнительных переживаний того дня, и проснулись лишь поздним утром на следующий день.

После обычного завтрака, за каковым мы на сей раз пили умеренно, мы снова поднялись на башню и за неимением других дел, а также желая убить медленно тянувшееся время, вступили в беседу с ведьмой. Мы оставались в башне до тех пор, покуда не устали от бесплодных разговоров, после же вновь спустились, сожалея, что не предпочли общество друг друга.

Страдая от одиночества, мы через некоторое время забрели в заброшенный сад, столь напоминавший нас самих, ибо между предметами одушевленными и неодушевленными возникает удивительное сходство, когда они пребывают в одинаковом состоянии и настроении. Воистину так; и хотя мы молчали и не имели возможности подбодрить друг друга речью, я чувствовал, что многое в сем забытом саду обращалось ко мне с симпатией и словно бы тщилось утешить мое горестное сердце; и мне казалось, что неухоженные растения чувствовали то же, что и я и, будучи наделены речью, высказали бы мои мысли. Даже букашки и жуки, переползавшие с листка на листок, находились, как чудилось мне, в менее прискорбном положении, нежели тот заброшенный сад и я сам; и, покуда я таким образом размышлял и жалел себя, слезы скатывались из моих глаз на мех Сатаны, моего друга, и оставляли круглые пятна на его шубке, что из сухой делалась все более влажной и блестящей.

Сидя там и думая о печальных вещах, я вспомнил о трех строениях с запертыми дверями и решил снова

их посетить, желая хоть таким способом отвлечься от своих скорбных мыслей и не видя никакой опасности в исследовании этих нагромождений камней и известки.

Солнце стояло высоко в послеполуденном небе, ослепительно и ярко синем, и воздух был так чист, что каждый лист и цветок отчетливо выделялся среди соседей, словно высеченный из цветного камня.

Дойдя до лужайки, где стояли те три здания, мы не обнаружили никаких изменений, за исключением одного. Двери первых двух строений были заперты, но третья оказалась открыта; вспомнив о Ведьме из Башни, я глубоко задумался над тем, не она ли отперла дверь. Я заглянул внутрь, ибо сейчас этому ничто не препятствовало, и перед моими глазами предстал чертог, убранный для богатого пиршества; на столе стояла посуда из чеканного золота, образцы каковой я оттуда привез и показывал вам в своем доме на Стрейд-Стрит. Там были подносы и большие блюда, и кувшины, и кубки, и все такое желтое и сверкающее, что у меня даже пальцы заболели и стали зудеть от алчности. Глупо было с моей стороны так стремиться в ту минуту завладеть золотом: какая польза была мне от богатств на острове, где нечего купить и некому продать, помимо сгорбленной карги и заросшего волосами человека?

На одном блюде лежала кабанья голова, на другом жареный лебедь, и были там многие другие богатые мясные кушанья, и прекрасное желе, и разнообразные фрукты, напомнившие мне рассказы о тех яствах, какими ежегодно угощались лорд-мэр Лондона и его олдермены в девятый день ноября.

Сатана также поглядел на те роскошества и, не откладывая дела в долгий ящик, вбежал внутрь и отвел пирога с мясом; поскольку ничего дурного с ним не приключилось, я отбросил все опасения и последо-

вал за ним, ибо много дней не ел горячую пищу и банкет тот меня донельзя прельщал.

Смело войдя, я потянулся для начала к прекрасному персику; однако же, когда я коснулся его, фрукт рассыпался в пыль под моими пальцами, и в то же время дверь позади меня быстро и с глухим стуком захлопнулась и я очутился в непроглядной темноте, где лишь глаза Сатаны заменяли лампу. Воздух вокруг, на первых порах сладостный и чистый, сделался спертым и тлетворным, и громадная тяжесть сдавила мне грудь, так что стало трудно дышать, и я стоял в темноте, решив, что пришел мой последний час, и одновременно раздумывал, не пора ли мне встремиться и попытаться все же спастись. Я собрал все свои силы и старался дышать редко и через ноздри; рядом со мной жалобно завывал кот Сатана. Я царапал стены руками, но твердый безжалостный камень не поддавался; тщетно пытался я найти дверь, что захлопнулась и отрезала нас от света, ибо в том чертоге не было окон, одна темнота, черная и бесконечная.

Густой тошнотворный воздух становился все более спертым; глаза горели и, чудилось, готовы были вылезти из орбит, язык распух во рту и казался потрескавшимся и сухим, как кусок копченого мяса, руки и ноги отяжелели и едва двигались, большая вена колотилась на лбу, точно стрелка на нюренбергских часах. Я боялся молиться, ибо спертый воздух мог проникнуть мне в рот и задушить меня еще быстрее. Сатана, кот, перестал выть, зеленый свет в его глазах угас и, дотронувшись до него ногой, я ощущил, что он был холодным и безжизненным, как свинец. Стояла тишина, лишь в голове у меня шумело и негромко шипел гнилостный газ, исходивший откуда-то из-под ног. Внезапно тишину разорвал долгий пронзительный смех, зловещий и дьявольский, и затем прозвучал снова и снова. Я оставил

все попытки спастисЬ бегством и стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь, дабы определить источник сего взыва веселья. Смех звучал в некотором отдалении и вскоре прекратился, после чего пронзительный голос разразился отрывистой песней, хихикая и распевая слова на каком-то неведомом языке.

«Вероятно, это кто-то снаружи, в саду, — подумал я, — скорее всего, Ведьма из Башни». И я решил, что задушу ее собственными руками, ежели переживу этот час, задушу без дальнейших слов либо вопросов.

Подобные мысли галопом мчались у меня в мозгу, и в то же время я утопал, медленно погружаясь все глубже и глубже. Мое сердце все еще билось, и на удивление громко, но тело обмякло и обессилело; я пошатывался, раскачивался, ибо не мог более дышать, голова же шла кругом, точно колесо повозки; затем я упал и, падая, схватился за резной каменный выступ, каковой выдавался из стены на несколько дюймов. Да, я помню это падение и чувство окончательной гибели, что ему сопутствовало; отчетливо припоминаю, как я пылко ухватился за тот трижды благословенный каменный выступ, что на миг остановил мое падение, и как резьба и камень сдвинулись под моей рукой, образовав щель в стене, и как за нею прорезало мрак узкое лезвие света и миллионы крошечных пылинок весело затащевали в том луче меж щелью и плитами пола.

Камень, за каковой я держался, двигался свободно, поскольку известка вокруг него пришла в негодность; прохладный поток воздуха играл на моем лице, возвращая мне храбрость, и я натужно и упорно тянул и толкал тот ниспосланный небесами камень, и наконец он упал на землю снаружи палаты, а дневной свет и благословенный Господень воздух ворвались внутрь, словно два ангела в своей славе.

Едва камень глухо ударился о землю, я услышал еще один звук, крик ярости и горечи. Я просунул голову в проделанную мной дыру, дабы отдохнуть и очистить внутренности от гнилостного газа, и теперь меня вновь окружал сад. Я был слишком занят своими телесными страданиями, чтобы поразмыслить о том крике и прозвучавшей в нем злости; но затем, когда я снова почувствовал себя живым и силы немного вернулись ко мне, я пристально огляделся и сквозь кусты и заросли сада различил древнюю каргу из башни, каковая ковыляла домой, потрясая клюкой и что-то бормотала себе в бороду.

И, о диво, стоило воздуху извне ворваться в темную палату, как дверь снова, готов поклясться, распахнулась настежь без всякой моей либо иной человеческой помощи, и в палате снова стало светло, так что я смог разглядеть тело Сатаны, кота, каковой был безнадежно мертв, а также пиршественный стол и золотые сосуды. Я со всей поспешностью схватил четыре кубка, высокий кувшин, шесть подносов и девять больших блюд, поскольку больше унести не мог, будучи ослабевшим и падая с ног от усталости; с ними я выбежал наружу и преклонил колени, вознося только что сочиненную молитву, что слетала с моих губ по велению глубочайших глубин сердца. После я вспомнил о черном коте, какового оставил в чертоге, и подумал, что было бы неразумно возвращаться за его телом, ибо он был мертв и я ничем не мог помочь ему.

При мысли о моем друге, коте Сатане, меня охватила превеликая ярость, ибо он был мне верным товарищем на протяжении нескольких самых тяжких дней моей жизни; был он доверчивым и великодушным, и обладал ровным характером, и был наделен горячей преданностью. Кто, как не Ведьма из Башни, повинна в его убийстве! Я пылал жаждой мести, однако ощущал некоторую слабость после недавнего приключения и, хотя

вознамерился было немедленно помчаться в башню и вышвырнуть проклятую ведьму из окна, все же счел, что предпочтительней будет подождать до утра, прежде чем свершить правосудие. Я сильно ослабел душой и телом, и ведьма могла застигнуть меня врасплох, ибо разум мой истощился и не готов был противопоставить хитрость ее колдовскому хитроумию, тело же было слишком усталым, чтобы выдержать сражение, требующее чрезмерного напряжения сил.

В одиночестве я поспешил назад в лес со своей золотой посудой и надежно спрятал ее в тайнике под корнями большого дерева, местоположение коего хорошо запомнил. Я стоял на коленях и забрасывал яму землей, но вдруг резко оглянулся и, о диво, увидал волосатого человека, какового заметил два дня тому; он наблюдал за мной с большим любопытством, и я тотчас встал и направился к нему, однако он отступил, как во время нашей первой встречи. Я стоял неподвижно, ожидая, что он заговорит со мной первым. На лице его не было большого страха, в противоположность той первой встрече; но он произнес ни слова, лишь сжимал волосатый кулак, указывая другой рукой в направлении замка, причем издавал странные звуки и скрежетал зубами, покуда те звуки не стали резать мне слух.

— Ты тоже знаешь ведьму? — спросил я и согнул спину, изображая Ведьму из Башни; затем я потянул себя за бороду и указал на уголки рта, дабы напомнить ему о клыках ведьмы.

Он понял, кого я имел в виду, ибо заулыбался и закивал головой; после он высоко подпрыгнул в воздух и принял с силой топтать ногами землю, словно желал забить до смерти распростертое на ней тело.

— Да, мы затопчем ее до смерти! Но нет — ей придется еще хуже, много хуже! — вскричал я.

Вместо ответа сей волосатый человек заржал, точно конь, и убежал в лес, не удостоив меня никакими словами либо жестами.

Я вернулся к моей золотой посуде, лежавшей на прежнем месте. Меня немало удивило странное поведение волосатого дикаря, каковой голым убежал в лес; его лютая ненависть к ведьме не уступала моей. Все то время голова моя раскалывалась и я испытывал жгучую боль в глазах; будь у меня зеркало, я увидал бы, что они сильно покраснели. От воздействия тлетворного газа, каковым я столь долго дышал, было нелегко избавиться; на закате я лег спать, чувствуя себя немного больным и до предела усталым и измощденным.

Я был теперь более одинок, чем раньше, ибо в ноги у меня не было товарища; и часто я просыпался в темноте и, нащупывая руками пустоту и скучая по знакомому дыханию рядом со мной, громко взывал: «Сатана, верный друг, где же ты?» — покуда не вспоминал, что он был сражен черной магией и что утром я поднимусь на башню и убью обитающую там каргу без лишних вопросов и слов.

ГЛАВА IV

В моем сердце не оставалось места для милосердия и жалости, когда я вновь поднимался по лестнице, что вела в комнату, где обитала Ведьма из Башни. Я перепрыгивал через три ступеньки, сжимая в правой руке меч из доброй стали, лучший из висевших на стене большого зала внизу. Я старательно наточил и отполировал его, и теперь едва ли нашлась бы человеческая плоть, какую не рассекло бы это острое лезвие.

Глаза мои, хорошо помню, горели ненавистью и жаждой крови, горло было напряженным и сухим, а зубы крепко сжаты. Я сознавал, что ведьма была стара и беспомощна, но оставался непреклонен, и каменные ступени быстро убегали назад под моими торопливыми шагами. Она пыталась убить меня, хоть я не сделал ей ничего дурного, и умертвила моего кота Сатану с таким черным коварством, с каким я еще никогда не сталкивался. Кровь Томаса Сноуда громко взывала о мщении, и я сильнее сжимал рукоятку меча при мысли о том, как лезвие взовьется и рассечет пожелтевшие пряди волос, затем полетит вниз, к подбородку с жесткой бородой — и, что бы со мной ни случилось, Ведьма из Башни более не сможет творить свое черное зло.

Я распахнул дверь ее комнаты, она же направилась ко мне с той же коварной улыбкой, что была ее излюбленной маской. Затем она прочитала грозное послание в моих глазах, увидела меч в руке и, дрожа в смертельном страхе, пала мне в ноги.

— Говори! — воскликнула она. — О нет, не гляди на меня так! Что я сделала? В чем провинилась?

Я оставил ее вопрос без ответа.

— Дарую тебе минутную отсрочку для молитвы, —

сказал я, — и молись от всей души, ибо тотчас после этого тебя ждет быстрая смерть!

Она принялась вновь просить меня объяснить причины моей жестокости, но я не произнес ни слова. Я стоял недвижно, опустив меч, и считал про себя секунды, приближаясь к шестидесяти. Последние десять я стал громко отсчитывать вслух, дабы усугубить мучения, что она испытывала в ожидании гибели.

— Пятьдесят семь! — считал я. — Пятьдесят восемь!

Я с трудом узнавал собственный голос, таким он был яростным и жестким.

— Шесть... — начал было я, но тотчас оборвал себя, ибо карга с ужасающим визгом загнанной дикой пантеры вскочила на ноги и помчалась через комнату туда, где на стене висела тяжелая портьера из красного шелка.

— Дон Диего, отец мой, приди мне на помощь! — громко вскричала она пронзительным и жутким голосом; подобного вопля никто из смертных, будь то мужчина или женщина, не слыхивал и не сумел бы издать. Затем она отдернула портьеру своей тощей рукой, и передо мной предстал человек с угольно-черными глазами, столь властными и пронизывающими, что кровь застыла в моих жилах и я заледенел до мозга костей, недвижно застыв на месте подобно тем птицам, что обмирают и застывают без движения под стеклянным взглядом змеи. Обнаженный клинок выпал из моей холодной как лед руки на пол, ибо я окаменел, лишившись сил, и был вынужден лишь смотреть, не отрывая глаз, ибо мои глаза были прикованы к глазам этого призрака.

Я хорошо запомнил это видение, и не без причины. То был человек средних лет, с непокрытой головой, облеченный в черный бархат. Я никогда не забуду его лица; выражение его было таким надменным, жестоким и

мрачным, что и ныне, закрыв глаза, я вижу его с той же ясностью, что и во время нашей первой и последней встречи. Кожа его была темной и смуглой, точно у испанца, подбородок украшала остроконечная бородка, волосы же на голове этого человека были черны, как уголь; но резче всего выделялись глаза, сковывавшие меня, словно магическими путами.

Так я и стоял, одеревенев и будучи не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, а вокруг меня радостно ходила сгорбленная карга, потирая руки и мурлыча от удовольствия, будто огромный кот. Некоторое время она скакала передо мной, дабы до конца насладиться моим замешательством, затем достала из сундука зеркало и на миг поднесла его к моим глазам, закрыв от меня властный угольно-черный взгляд. Лицо, что я увидал, было мертвенно-бледным и обрамленным каштановой бородой, на моем лбу проступали прозрачные капли пота, от страха я выглядел смиренным и жалким, а широко раскрытые глаза казались безжизненными и бессильными. Старуха убрала зеркало, и меня вновь подчинил себе зловещий взгляд черной фигуры.

— Задернуть портьеру? — шепнула ведьма мне в самое ухо.

— Да.

Голоса не было слышно, но она прочитала ответ по моим губам.

— Ты видел достаточно — но, быть может, тебе хочется посмотреть еще?

Она сжимала шелк костлявыми пальцами.

— Нет! Во имя Пресвятой Девы...

Слова застревали у меня в горле и я хрипел от ужаса.

— Поклянись, что ты оставишь меня в покое и больше никогда не войдешь в эту комнату!

— Клянусь!

В тот миг я готов был отказаться от всех надежд на лучший удел на земле и жизнь небесную, ибо лишился всякой силы и смелости.

— Теперь ступай! — вскричала она, и портьера задернулась, скрывая эти порожденные самим адом глаза. Ее рука по-прежнему сжимала шелк, и в любой момент человек в черном мог вновь появиться передо мной.

Я торопливо повернулся к двери, но прежде, чем я вышел из комнаты, она снова поднесла зеркало к моему лицу, однако я увидел лишь туман на стекле, ибо в зеркале не отражалось ни мое лицо, ни что-либо иное.

В страхе я помчался вниз по лестнице, точно меня преследовали по пятам десять миллионов демонов: разве не побывал я в преддверии преисподней и не видел то, что не дано увидеть ни единому человеческому взгляду? Я словно утратил зрение и незрячими глазами видел перед собой одни желтые и бесформенные пятна, как если бы глядел на лик солнца и был ослеплен его сиянием.

Мучимый унижением и ужасом, я держался по возможности дальше от замка, покуда голод не заставил меня вновь пробраться в кладовую и подвал. Желая утолить в вине свои страхи и терзания, я выпил в тот день столько, сколько не пил ни до, ни после этого. Моя голова шла кругом и ноги заплетались, когда я с двумя бутылями красного вина в руках снова направился к своему убежищу в лесу. Когда я проходил через главный зал, мое внимание привлекло зеркало, похожее по форме и размеру на то, что утром держала перед моим лицом Ведьма из Башни. Оно лежало на одной из кушеток.

— Более никаких испуганных, бледных и дрожащих от страха лиц! — сдавленно произнес я и почувствовал, как вино согревает меня, разливаясь под кожей. На ду-

ше у меня было легко, и я беспечно поднял зеркало и поглядел в него; миг спустя я швырнул его на пол, и оно разлетелось на тысячи осколков, ибо, клянусь небесами и землей, я увидал в нем то же искаженное ужасом лицо, бледное и бескровное, что я видел отраженным в этом самом зеркале, когда ведьма держала его между мной и призраком в башне, появившимся из-за портьеры красного шелка!

Я поспешил покинуть замок и, блуждая вокруг, на брел на скамейку в заброшенном саду, где и сидел, задумавшись и снова дрожа, ибо мужество, почерпнутое в вине, оставило меня и я уподобился ребенку, что некогда прожег руку до кости и теперь снова встретился лицом к лицу с огнем, вот только я в ужасе трепетал и страдал от встречи с колдовством. И пусть я сгнию в глубочайшей яме, но клянусь: покуда я сидел там, со дрогаясь всеми четырьмя конечностями, проклятая ведьма нашла меня и принялась осыпать насмешками.

— Сайлас Фордред, шкипер из Хайта, где теперь вся твоя смелость и твое хитроумие? Ха-ха! — и она долго и визгливо смеялась.

Я не произнес ни слова и сидел, опустив голову на грудь, поскольку был устал и измучен.

— О да, не следовало тебе угрожать старой женщины и пытаться убить ее, ибо она не причинила тебе никакого зла! Да и осуществи ты свой злобный замысел, плохо бы тебе пришлось; Ведьма из Башни не умерла бы неотмщенной, а ты ведь всего лишь человек, презренный обычный человек, и нет в тебе ничего, помимо грубой силы и трусливого сердца!

— Уходи прочь! Я достаточно настрадался. Оставь меня в покое!

— Погоди, мы еще с тобой не закончили. Пойдем со мной, я покажу тебе славную штучку!

— Прочь, старая ведьма, иначе берегись! — вскричал я. Она рассмеялась во весь рот, показывая беззубые десны и корни двух коричневых клыков, торчавших по бокам рта. Ее рука потянулась к поясу, и я увидал, как блеснул кроваво-красный камень над ее пальцами, когда она сжала рукоять длинного кинжала.

— Пойдем! Ну что, ты идешь? — уговаривала она; теперь в ее голосе появились угодливые нотки, и она повернулась в сторону трех стоявших бок о бок строений с закрытыми дверями.

Я последовал за ней. Одни небеса ведают, почему я поддался ее уговорам и побрел за ней. Могу лишь сказать, что я таил в сердце надежду на случайность или справедливый приговор судьбы: ведьма окажется в моих руках, и тогда...

— Идем! Подчиняйся мне, Сайлас Фордред! Неужто ты надеешься втолкнуть меня в Чертог Тьмы? — и ее рука со значением потянулась к рукояти кинжала, украденной большим рубином.

Как видно, она прочитала на моем лице мысль о мести, и я молча поклялся себе, что ни о чем более думать не буду, но в подходящий момент начну действовать, и она умрет той собачьей смертью, что уготовила мне.

К тому времени мы достигли трех зданий и, как и прежде, в тот достопамятный день, две двери оказались заперты, третья же была широко распахнута. Я с любопытством заглянул внутрь, тогда как ведьма проследила за моим взглядом и с превеликим удовольствием заметила в моих глазах алчное вожделение, ибо я увидал большой чертог, уставленный открытыми сундуками и шкатулками, до краев полными самоцветами и золотыми монетами. Нечто подобное я видывал в окнах ломбардов, где меняют деньги, однако же здесь были бушели и галлоны золота и драгоценных камней; подобного богатства я никогда не видел и даже представить не

мог, что такое может существовать. Я тщетно силился подавить свои желания; но в глазах моих зажегся жадный огонек и бородатая ведьма, заметив это, прищелкнула языком и принялась издавать странные звуки, выражая свое удовлетворение.

«Это снова происки дьявола, в чем я ни на миг не сомневаюсь», — сказал я себе и, успокоившись, с холодным и независимым видом остановился перед дверью.

— Ты можешь войти и забрать все, что только пожелаешь, — закричала мне в ухо карга.

Я ничего не ответил и продолжал неподвижно стоять в безопасном отдалении от двери.

— Ты будешь достаточно богат, чтобы купить целую страну, ты сможешь построить школы и церкви, и ты станешь первым членом палаты общин от города Хайта — ты, Сайллас Фордред, простой шкипер и мореход.

Я презрительно улыбнулся; вино, что я недавно выпил, вновь сослужило мне службу.

— Нет, нет, с меня довольно твоих богатств и соблазнов, и мне ничего от тебя не нужно! — сказал я и повернулся на каблуке.

— Воистину, друг мой Сайллас, — воскликнула она, — ты самый настоящий глупец! А я-то принимала тебя за умного мошенника!

— Да-да, это и мне прекрасно известно, — произнес я с улыбкой и отодвинулся от нее. Она была страшно разгневана, и уголки ее рта задрожали от подавленной ярости. И все же эта сгорбленная ведьма опять заковыляла за мной.

— Вернись, дружище Сайллас, — звала она, — вернись и зачерпни эти сокровища полной пригоршней! Клянусь, никакого вреда тебе не будет, и я сама, чего уж больше, войду туда вместе с тобой!

— Трижды я отвечал тебе и всякий раз говорил «нет»; пусть же это будет моим и твоим последним словом! — и я отошел от нее и встал, скрестив руки на груди.

— Я начинаю терять терпение! Войди со мной в Черног Богатств, иначе никогда тебе вновь не войти туда: ты так и умрешь бедняком, голым, с пустым брюхом!

Я не произнес ни слова в ответ.

— Ты никогда в жизни не войдешь туда, — прошипела она мне в ухо.

— Успокойся, сгорбленная карга, ты ведешь себя не по летам непристойно! — и я громко рассмеялся ей в лицо, так что она вся пожелтела от гнева и ненависти; я же, сказав это, направился в лес, оставив ее плеваться и задыхаться от злости перед открытой дверью.

Не сделал я и нескольких шагов, как обернулся и увидел, что она спешит за мной по пятам; ее губы побелели от досады, выражение лица сделалось небыва-ло злобным и угрожающим, а глаза, как у ястреба, за-блестели и налились яростью.

— Ты войдешь в эту дверь, Сайллас Фордред! — за-кричала она, ударяя о землю своей клюкой.

— Не войду, так и знай, траченная молью фурия! Уби-райся к дьяволу! — и я снова громко рассмеялся ей в лицо.

Ее желтое обличье сделалось темно-оранжевым, на тощих щеках и лбу выступили синие вены.

— Ты войдешь в эту комнату, клянусь, войдешь живым или мертвым! Но ты все-таки войдешь! — захле-бывалась она, клокоча горлом.

— Не войду, — холодно сказал я.

— Войдешь! — пронзительно завопила она. Я широ-ко улыбнулся ей в лицо, после чего она, утратив вся-кое благоразумие и сдержанность, принялась плеваться и истекать изо рта пеной, шипя, точно болезная змея.

Я глядел на нее безразличным взглядом.

— Ты войдешь! — вновь вскричала она. — Войдешь живым или мертвым!

С этими словами она выхватила из-за пояса кинжал и кинулась на меня в отчаянном приступе ярости и ненависти.

Хорошо помню, как длинный и узкий клинок сверкнул меж моим лицом и небом и как я, мгновением позже, крепко сжал ее запястье обеими руками; затем последовал звук, с каким ломается ветка, и кость ее руки, сухая и хрупкая от старости, разломилась надвое, а я упал ничком, лишившись опоры. Я быстро вскочил на ноги, и ведьма снова набросилась на меня, но на сей раз кинжал валялся на земле, она же наступала, широко разинув рот и обнажив до корней коричневые клыки; пальцы одной ее руки были растопырены и согнуты, точно когти, другая же безвольно свисала вдоль тела, и кисть болталась при каждом движении. Словно тигрица, с белой пеной на губах, она прыгнула на меня, я же, обезумев от гнева и ненависти, с силой прорыгнул руку меж широко раскрытых челюстей, в то время как другой охватил ее тощие ноги у колен. Я высоко поднял ее в воздух и побежал, она же раскачивалась у меня над головой, шипя и извиваясь от боли и ненависти, вертаясь и крутясь во все стороны, и наконец я изо всей силы швырнул ее прямо в дверной проем Черного Богатства, полного самоцветов и сундуков с золотом. При этом, отпустив ее тощие голени, я потянулся руками к беззубым деснам и два клыка по сторонам ее рта обломились и упали к моим ногам, и вот проклятая Ведьма из Башни просвистела по воздуху над моей головой и рухнула среди золота и драгоценных камней. Она упала на землю с гулким звуком, и более я не видел и никогда не увижу ее тощее тело, ибо в тот миг, когда она коснулась земли, весь чертог охватило желтое, будто золото, пламя, упав с потолка до пола подобно ог-

ненной завесе. Я глядел на это зрелище с благоговейным страхом, затаив дыхание, однако испытывая острую радость при мысли, что Ведьма из Башни поджаривается сейчас внутри, как после будет гореть в аду. Секунд с десять завеса огня вздымалась волнами; затем пламя угасло и сокровища вновь стали видны ясно и четко, как раньше, только Ведьмы из Башни нигде не было видно, за что я вознес хвалу Богу, Сыну Его и Пречистой Деве.

В почве, вследствие схватки с ведьмой, остались глубокие следы моих ног; поблизости лежали два желтых обломившихся клыка. Я поднял их и бережно положил в карман на память о дьяволице, изо рта коеи они выпали; вы, видевшие их в моем доме на Стрэнд-Стрит, теперь понимаете, для чего я дал себе труд привезти домой эти показавшиеся вам бесполезными ведьминские бивни.

Я долго стоял на коленях, благочестиво молясь Господу, избавившему меня от этой проклятой товарки, и выражал свою благодарность во многих обильных, непосредственных и признательных излияниях; и даже когда я был более не в состоянии подобрать подходящие фразы, я продолжал стоять на коленях с закрытыми глазами, ибо благодарность переполняла мое сердце и бессловесно летела к небесам — изливаясь, возможно, на языке более сладостном, нежели те жалкие слова, что мог найти и сплести в молитве простой человек наподобие меня. Наконец, облегчив душу этими благодарениями и слезами, я поднял глаза и увидал перед собой стоявшего на четвереньках волосатого человека, с почтением глядящего на меня. Когда наши взгляды встретились, он пустился гарцевать, точно жеребенок на пастбище, после опустил лицо в землю и положил мою руку себе на голову, что заставило меня задуматься: уж не принял ли он меня за священника

и не искал ли моего благословения? Я понял, что он видел меня молящимся и потому, быть может, ошибочно решил, будто я священник.

— Я не священнослужитель, — воскликнул я, — а всего лишь Сайллас Фордред, шкипер из Хайта, потерпевший кораблекрушение у этого проклятого острова несколько месяцев тому.

Волосатый человек ничего не сказал, но вместо того принял издавать странные звуки в манере лесных зверей и делать руками жесты, точно работорговец.

Он еще раз прижал мою руку к своей голове и намеревался было коснуться щекой моих ступней, однако я с некоторым гневом поднялся на ноги.

— Волосатый человек, — сказал я, — ты немногим лучше дурака! Веди себя, как человек, а не как собака, каковую только что отхлестали.

Вслед за этим он вновь и несколько дольше гарцевал от радости, после указал сперва на свои глаза, затем на чертог с распахнутой настежь дверью, где недавно исчезла ведьма.

— Значит, ты видел, как она кувырком полетела туда? — спросил я. — Славно проделано, не правда ли, голый человек?

Распознав веселье в моем голосе, он опять счастливо помчался ко мне, но я, немного устав от столь явных выражений радости, сильно огрел его по ребрам, так что он успокоился, хотя и не слишком. После того, как я прибег к этой мере, он стал держаться от меня на безопасном расстоянии и, хотя в уголках его глаз то и дело проступала улыбка, он не осмеливался приближаться к моим ногам либо кулакам, покуда радость его не сделалась менее бурной.

Спустя некоторое время я направился в замок, дикарь же следовал за мной по пятам.

В тот день я победил Ведьму из Башни, и присутствие спутника, пусть даже не говорившего на человеческом языке и вдобавок заросшего от макушки до пят волосами, вселяло в меня новые надежды и отвагу; и я настолько воодушевился, что решил тотчас, покуда во мне не иссякло новонайденное мужество, подняться по лестнице на башню и попытаться одолеть чудовище с нечестивыми глазами, что пряталось за портьерой, как я одолел ведьму, его подругу.

Я читал повесть о Давиде и Голиафе и хотел расправиться с тем дьяволом так же, как иудейский псалмопевец поступил с филистимлянином; однако же, не располагая ни працой, ни камнем, я запасся тяжелым железным молотком, каковым собирался запустить в голову злодея в тот момент, когда волосатый человек по моему приказанию отдернет портьеру.

Бесшумно, стараясь не выдать себя и тем не предупредить заранее черноволосого колдуна, мы поднялись по лестнице и, отышавшись, вошли в дверь башенной комнаты. В этом пустынном помещении царила глубокая тишина; в дальнем конце, как и прежде, поперек комнаты свисала от потолка до плит пола тяжелая портьера красного шелка. С немалым трудом, используя множество жестов, я объяснил своему новоявленному союзнику, что ему следует сделать, и по моему сигналу портьера была отдернута, и я поспешно, прежде чем зловещий лик успел обрести надо мной власть, со всей силы бросил в него молоток. Но едва выпустив рукоять, я ощутил превеликий страх и закрыл глаза, гадая, к каким ужасным последствиям способно привести мое нападение.

Я простоял в темноте немало долгих секунд, ожидая, что башня закачается и обрушится; о да, я представлял себе и еще более необычайные и губительные события и несчастья, однако в тишине раздавался лишь один звук:

то падал дождь из осколков разбитого стекла, что напомнило мне о зеркале, разбитом утром. Я открыл глаза и за портьерой, каковую продолжал держать волосатый человек (лицо его в тот миг являло чудную картину разнообразных переживаний) не увидал ничего, помимо пустого пространства, под коим большими буквами было написано:

«ДИГО РОДРИКОВЕЗ»

— тогда как на полу комнаты лежали тысячи осколков стекла. Склоняясь над ними, я осматривал их с большим удивлением. То были, в большинстве своем, осколки зеркала, и в глубинах их я видел отражение своего лица; другие отображали клочки черного бархата, а в одном вырисовывалось ухо и жуткий глаз черного человека, что нагнал на меня в тот день столько ужаса. Я отложил эти осколки стекла в сторону и задумался; все это время волосатый человек стоял передо мной в восхищении, страхе и молчании.

— Знай же, покрытый шерстью человек, — сказал я наконец, — что это было зеркало, во многом похожее на то, в коем я видел отражение своего лица нынче утром, и в него некогда заглянул тот демон; одним Небесам ведомо, кто он и где скрывается. Его нечестивый взор, отраженный в этом зеркале, приводил меня к месту и заставил окаменеть несколько часов тому. Однако же я видел не настоящего человека, но тень, сотворенную черной магией и колдовскими искусствами. Ведьма, хвала Господу, поплатилась за свои злодеяния, и на острове этом надолго исчезло колдовство!

Я вновь посмотрел на большие черные буквы и прочитал их много раз, без конца раздумывая над их смыслом и значением. Затем мне на ум пришло соображение, каковое, как ни странно, я ранее упустил, и мысль

эта породила в моей душе и сердце новые тревоги: «Ежели в зеркале, что я разбил, было лишь отражение колдуна, где обретается сам колдун, и не способен ли он в любой миг наложить на меня новое заклятие, и не стались ли так, что он в эту самую минуту строит свои козни и намеревается уничтожить меня?»

Много раз я повторял два черных слова: «ДИГО РОДРИКОВЕЗ», все то время теряясь в догадках касательно их значения и смысла.

Из башни мы снова спустились в сад, где стоял чертог, ставший могилой Ведьмы из Башни. Дверь все еще была настежь распахнута, и меня весьма соблазняли находившиеся в том помещении сокровища, хотя я хорошо понимал, сколь бесполезны богатства в моем нынешнем положении: такова уж сила обыкновений и привычек. Я ушел оттуда, рассудив, что лучше оставить тот чертог в покое и не притрагиваться ни к чему, способному ввести меня в соблазн либо причинить мне вред. Я прошел мимо третьего чертога, и на сей раз дверь его была открыта, что позволило мне заглянуть внутрь и удовлетворить мое любопытство. Теперь я ясно видел затейливо освещенное помещение, все розовое, как в час заката, а в нем прелестных девиц, дивно сложенных и белоликих, каковые не двигались, не произносили ни слова и были облачены в чудесно тонкие и прозрачные одеяния, в то время как нежный розовый свет придавал им несказанную красоту.

— Волосатый человек, — сказал я, — пойдем отсюда прочь; это какое-то новое колдовство!

Я схватил его за плечо, и мы поспешно удалились оттуда через сад. Проходя мимо места, где я сражался с ведьмой, я заметил в траве что-то блестящее. Этот предмет оказался кинжалом, посредством какового карга пыталась убить меня, с длинным лезвием испанской стали и округлым рубином в рукояти. Я заткнул кин-

жал за ремень, что недавно подобрал в одной из комнат замка, ибо мой собственный кожаный ремень был по-прежнему зажат в бронзовом кулаке, висевшем на воротах замка. Вы видели тот кинжал наряду с другими моими пожитками, и те из вас, что разбираются в подобных вещах, могли восхититься прекрасной работой и игрой драгоценного камня на рукояти.

Быстро надвигались сумерки, и день подходил к концу. То был день великих свершений и многих опасностей и подвигов, и не раз на протяжении минувших суток мое сердце готово было выскочить из груди и зубы стучали во рту, ибо не дано никому совершать доблестные деяния без опасений и душевных колебаний; более того, осмелиюсь поклясться, что и самый отважный герой, каковой без страха и содрогания противостоит врагам из числа людей, ужаснулся бы, столкнувшись с черной магией и сверхчеловеческими опасностями, с каковыми я повстречался в тот день на поле боя. Теперь мой разум несколько успокоился, вероятно, утомившись не менее тела; к тому же я был очень голоден и испытывал такую же сильную жажду. Мы с волосатым человеком долго просидели в кладовой за достойным великанов ужином, и по завершении его я начал задыхаться от сытости и распустил ремень. Мой новообретенный союзник сидел рядом со мной на полу и ел с большой живостью и немалым удивлением при виде невесть откуда взявшейся пищи; он, подобно мне, никогда ранее не видал мяса, хранящегося в запечатанных жестянках, и никогда до того вечера не пробовал вин и прочих крепких напитков. Мы пили с благородством и, невзирая на явную опасность, заснули там же, где ели, и то была первая ночь, какую я провел под крышей с тех пор, как мы с Томасом Сноудом покинули Хайт.

ГЛАВА V

— Волосатый человек! — сказал я на следующее утро после того, как мы протерли глаза и потянулись, дабы прийти в себя после глубокого сна. — Отныне ты будешь прозываться Исавом: это древнее и весьма подходящее для тебя имя. Теперь, Исав, давай позавтракаем, а после посоветуемся и решим, какие нам следует предпринять шаги, чтобы выбраться с этого трижды проклятого острова со всем его колдовством.

В беседе с Исавом было мало толку, но меня радовал и ободрял звук собственного голоса и, пока я говорил, мой спутник улыбался с чрезвычайно умным видом, хоть и не понимал ни единого слова.

— Исав, — сказал я, когда наш завтрак был окончен и мы на некоторое время улеглись на полу, глядя в потолок, — чем мы теперь займемся?

Не ожидая ответа, я продолжал:

— Мы построим корабль, пусть и маленький, и на нем мы уплывем прочь от этой одержимой ведьмами земли, где ничто не сулит нам покоя либо доброго здоровья.

С этим мы поднялись и направились в обширную комнату за главным залом, ту, что походила на громадную кузницу. Здесь имелось множество топоров, пил и прочих плотницких инструментов, годных для постройки корабля, а также тачка с колесами и легкая тележка. Мы загрузили их всевозможными инструментами и мешками с различными мелочами, каковые могли нам пригодиться. На холстине одного из них, как ни странно, было написано черными буквами «*clavos de fierro*»; эти слова означают «корабельные гвозди» на испанском языке, с коим я весьма хорошо знаком bla-

годаря частым встречам с моряками этой великой нации.

Мы с Исаевом трижды совершили путешествие от замка до морского берега. Спустившись в первый раз к берегу, мы построили грубый шалаш, дабы поместить туда содержимое наших тачек, а также хижину попрочнее, что должна была послужить нам убежищем в ночное время, ибо меня беспокоила мысль о сне на открытом воздухе, где нас мог застигнуть дождь, ветер либо иная погодная напасть, ниспосланная Прорицанием.

Перед тем, как вновь вернуться к замку, мы долго купались и плескались в воде, проведя большую часть дня, точно английские горожане, посещающие летом морские берега.

Ничто не изменилось вокруг, и громадный бронзовый идол продолжал стоять на страже, словно хранитель того берега, молчаливый и недвижный, как всегда, а у ног его были разбросаны здесь и там выбеленные солнцем скелеты, сломанные пополам. При виде странного божества улыбка исчезла с лица Исаева, и он принял биться головою о песок и стенать; он сжимал кулаки и громко вопил в лицо идолу, издавая горловое рычание, каковое заменяло ему проклятия, и я понял, что он не относился к числу верующих в огромного бронзового бога.

— Это хорошо, дружище Исаев, — сказал я, — и я очень рад, что ты не оказался идолопоклонником или язычником, как большинство дикарей.

После этого мы снова направились вглубь острова и вернулись на берег, нагруженные простынями и покрывалами, каковые сняли с больших кроватей, а также прочными вощенными веревками и бечевками, из коих кой намеревались изготовить парус и такелаж для нашей мачты. Остававшееся в тележках место мы заполнили мясом в запечатанных жестянках, бутылями с вином и мечами и копьями из главного зала, с помощью каковых средств надеялись убить много зверей и

птиц в лесу и тем самым обеспечить себя на каждый день свежим мясом.

Все это добро мы тщательно сложили в шалаше и затем приступили к постройке судна, валя деревья в лесу и трудясь, не покладая рук, от рассвета до заката. По вечерам, завершив дневную работу, мы бродили по берегу, высматривая парус либо следы человека, однако ничего подобного так и не обнаружили; и неизменно высился перед нами огромный бронзовый идол с тринадцатью прозрачными драгоценными камнями на шее.

И вот однажды, пройдя около половины лиги вдоль пустынного берега, мы случайно наткнулись на нечто похожее на беседку, однако же, подойдя ближе, удостоверились в своей ошибке, ибо то было длинное и низкое деревянное строение с тремя стенами и крышей, все поросшее мхом и выющимися растениями. Мы осторожно приблизились и обошли строение сперва с одной стороны, затем с другой, покуда не очутились перед фасадом, выходившим к морю, и разглядели в нем нос маленького корабля. Кровь бросилась мне в лицо при виде этого зрелища и я с большой поспешностью побежал вперед, дабы ощупать руками то, что увидели мои глаза. Воистину, то был корабль, чудесно легкий, но на диво прочный, за что я, будучи мореходом, смело мог поручиться, и вы, видевшие тот корабль у моего дома на Стейд-Стрит, можете это засвидетельствовать.

У того странного корабля не имелось ни мачты, ни паруса, ни весел. Он был весь открытый и пустой, за исключением единственного кубрика, обставленного с большим удобством и уютом; с одного конца корпус судна был закрыт деревянной обшивкой, поверх коей находились три серебряные рукояти, походившие на дверные ручки. Сперва я испугался, решив, что корабль тот был еще одним произведением колдовского искусства наподобие прочих чудес, с какими я столкнулся на ост-

рове; тем не менее, мы с Исаевом благополучно провели ту ночь в кубрике безо всяких кошмаров и какого-либо иного вреда, и потому наутро мне подумалось, что то было доброе предзнаменование и, для чего бы ни служили серебряные рукояти, я готов пуститься в плавание по морям на этом необычном баркасе.

Под кораблем имелась широкая и длинная деревянная платформа, снабженная колесами, каковые я смазал звериным жиром, и мы с Исаевом сумели без особого труда спустить наш новообретенный трофея на воду и с помощью заранее изготовленных весел проплыли около лиги вдоль берега без каких-либо злоключений, разве что Исаев, каковой не был моряком, несколько раз грузно падал на спину. Последний участок пути мы проделали достаточно быстро, ибо баркас был удивительно легким и по преимуществу сработанным из пробки, каковая весит очень мало; сталь же и древесина, использованные для его постройки, отличались высоким качеством и были очень прочными, но никак не тяжелыми.

Я благодарил Пророкование за дарованную мне вещь, о какой я мечтал более всего на свете; и теперь, когда мы обзавелись кораблем, я решил, что мы без дальнейших отлагательств выйдем в море и уберемся подальше от варварской земли, где жизнь наша подвергалась великой опасности.

И однако, прежде чем поднять парус и исчезнуть за горизонтом, я решил в последний раз отправиться в замок на вершине холма, ибо наши запасы мяса и вина подходили к концу, да к тому же моя золотая посуда была спрятана в лесу; я решил взять ее с собой, поскольку стоила она очень дорого.

Мы с Исаевом вытесали мачту и изготовили прочный парус из покрывал и простыней, и нам оставалось только погрузить на борт провизию и свежую воду, а

затем тронуться в путь к безопасной гавани.

Мы снова, толкая перед собою тележки, пересекли леса и пастища, лежавшие между берегом и замком. Бронзовая рука, как и ранее, сжимала мой кожаный ремень, и ворота были широко распахнуты.

Прежде всего мы направились к моему давнему обиталищу в лесу и загрузили золотую посуду в мою тачку, после чего некоторое время ходили туда и обратно, нагружившись провизией и бутылями с вином, покуда обе наши тачки не были заполнены доверху. Покончив с этим, мы устроили прощальную трапезу в кладовой и сидели там, веселясь, однако Исаев вдруг вскочил и быстро побежал к воротам; затем он, точно умалишенный, ринулся вниз по холму к лесу, головой и руками показывая, что вернется к закату. Чрезвычайно удивляясь его внезапному бегству, я смотрел, как он исчезает в зарослях, затем же в последний раз прогулялся по замку. Он был пустынен и тих, как могила, и все же, сидя в громадной кузнице, я подумал: «Хорошо было бы спасти других потерпевших кораблекрушение моряков от заклинаний и колдовства, что умертвили Томаса Сноуда и Сатану, черного кота, и едва не погубили меня, а на Исаева навели столь нескрываемый страх». И потому я поспешил в подвал, где находились бочки с порохом, о каковых я говорил выше; с немалыми усилиями я перетащил и сложил восемь из них в главном зале; пять бочек я оставил внизу — их хватило бы, чтобы разрушить целый город, — одну же бочку я поместил у закрытой двери Чертога Тьмы и, катя другую к чертогу с прекрасными девицами и розовым сиянием, нежданно увидал не кого иного, как Исаева, напрягавшего все свои телесные и духовные силы; он гнал перед собой дикую свинью, та же визжала, явно будучи вне себя от ужаса. Волосатый человек мчался за ней с быстротой зайца, сжимая в руке крепкую дубину, како-

вой он то и дело колотил испуганного до смерти зверя.

Я с удивлением наблюдал за этим необычайным представлением, гадая, для чего ему понадобилось преследовать и загонять несчастное создание. Так мы втроем постепенно приближались к комнате с прелестными девицами и, подойдя ближе, я увидал, что дверь была, как и ранее, открыта настежь, девицы же по-прежнему услаждали взор чудесной красотой. От этого приятного созерцания меня отвлек мой товарищ, каковой принял теперь еще безжалостней колотитьдикую свинью, так что воздух наполнился горестным визгом, и тот, смешиаясь с криками Исава, порождал превеликий шум, какого остров доселе не слыхивал. Я бросил взгляд на открытую дверь и догадался, что собирался сделать Исав.

Последним ударом он заставилдикую свинью, вконец обезумевшую от страха и боли, перескочить через порог палаты, и затем я увидал, что за участь ждала меня, ежели я оказался бы достаточно глуп и тороплив и в порыве сильного искушения вошел в тот дом. Диная свинья устремилась навстречу своей судьбе, навстречу самой ужасной и беспощадной гибели, каковая постигала когда-либо человека или зверя. Одно мгновение она постояла внутри, не зная, куда повернуть и косясь пугливым взглядом через плечо на своего жестокого преследователя; и затем, со звуком, подобным скрежету тысячи голодным зубов, с потолка на пол чертога обрушились бесчисленные острые копья; они падали отвесно с великим грохотом и лязгом, впиваясь металлическими наконечниками в каменные плиты пола. На каждый квадратный фут пола пришлось не менее трех островерхих железных копий; снова оглядел чертог, я увидал, что он был теперь от стены до стены перегорожен древками, торчавшими густо, как деревья в лесной чаще. С восемнадцать тех копий пронзилидикую свинью с такой быстротой и силой, что она испустила дух,

продолжая стоять на четырех ногах и истекая кровью. Прекрасные девицы не пошевелились и ни единым жестом не выразили ужас или радость; они стояли безмолвно и ничуть не пострадали, огороженные, точно решеткой, железными копьями.

Таким, следственно, было особое дьявольское устройство третьего чертога; не мешкая, я покатил бочку прямо к его порогу, что ранее проделал с Чертогом Тьмы. Мы с Исавом прикатили еще одну бочку и поставили ее перед входом в Чертог Богатств, дабы прах Ведьмы из Башни и обломки сего строения разнес во все стороны единый взрыв.

Все, что мне теперь оставалось сделать, это проложить пороховую дорожку между бочками, и я с радостью приступил к работе; черная полоса, широкая и толстая, шла из подвала в большой зал, оттуда к трем палатам, а затем сбегала вниз по холму к лесу. После этого мы вернулись к нашим тележкам и катили их с добрую милю к месту, где заканчивалась пороховая дорожка.

Было уже довольно темно, и мы торопились; я держал в руках коробку с красноголовыми деревянными палочками, каковые, если их хорошенко потереть, давали пламя; и вот я осмотрительно и с немалой осторожностью поджег оконечность пороховой дорожки, и мы тотчас бросились бежать, что было сил. Затем прозвучали два взрыва и яркие языки пламени прорезали ночь, точно молнии.

— Чертоги! — закричал я, когда прогремел третий взрыв.

Мы успели пробежать через лес и очутились теперь на открытом месте, откуда мы видели, как темнел на фоне неба замок на вершине холма. Миг спустя все вокруг стало зеленым и золотым, как при свете дня, и башня и стены зашатались и рухнули, словно детский

домик, выстроенный из деревянных кубиков, и затем все заволокли громадные клубы дыма, густого, плотного и темного, и после — тишина и черная ночь, и все вновь стало тихим и безмятежным, как прежде.

Исав, волосатый человек, при виде этого величественного представления в безумном восторге запрыгал вокруг меня; он преклонял передо мной колени и ловил губами мои руки, покуда мне не пришлось наградить его несколькими чувствительными пинками, дабы он оставил меня в покое и выражал свою благодарность, не прибегая к столь навязчивым знакам преданности, что он и сделал, потирая бока и другие места, каковых коснулась моя нога.

Так проклятый замок был стерт с лица земли, и Сатана, черный кот, равно как и Томас Сноуд, мой друг и собрат по приключениям, были всецело и полностью отомщены.

ГЛАВА VI

Сердце мое горело торжеством, когда мы снова направились к берегу моря, дабы взойти на наш славный корабль и поплыть по зеленым водам. Мы решительно толкали перед собою наши тележки, и я распевал на ходу бравую песню и, хоть груз наш и был в тот раз тяжелее всех прежних, нам казалось, что тележки наши поразительно легки и с ними очень просто управляться.

Надежда подобна чудодейственному колодцу, и я испил из него много воды; это драгоценное снадобье, после стольких дней страха и ужаса, возвращало мне мужество и вселяло в сердце храбрость. Корабль наш был готов к плаванию, и мы с тщанием погрузили на него запасы провизии и трофеи из Чертога Тьмы. Следующие два дня мы ходили на охоту, убивая зверей и птиц, попадавшихся нам на пути, дабы иметь достаточно свежего мяса. Мы наполнили множество выдолбленных тыкв водой из ручья и на третий день решили, что поднимем парус и тронемся в путь на рассвете.

В последний вечер я нанес прощальный визит огромному бронзовому идолу. Тринадцать бриллиантов сверкали ярко, как никогда раньше и, покуда я глядел на них, меня охватило сильное желание и столь окрепло, что я, ощущая в себе с появлением нового корабля прилив новых сил и решимости, громко и многократно поклялся, что драгоценные камни будут моими.

Утром, когда все было готово и нам оставалось лишь оттолкнуться от берега, дабы обрести свободу и избавиться от зла и магии, таящихся на этом колдовском острове, я помог Исаю спустить на воду наш корабль и велел ему достать весла и грести вдоль берега, оставаясь неподалеку, покуда он не окажется против того места, где стоял

бронзовый идол; жестами я объяснил, что присоединюсь к нему в этом месте, проплы whole от берега прямо к нашему судну.

Он принял грести без малейших опасений, я же быстро пошел вдоль берега и вскоре оказался лицом к лицу с громадным изваянием и блестящими камнями. Желая набраться мужества, я с бешенством и многими издевками, гримасничая самым диким образом, бросил прямо в бронзовое лицо идола:

— Ты ложное божество, и бриллиантам не быть твоими!

Я произнес еще многое, что и припомнить не стоит, в довершение же всего показал немому изваянию язык и презрительно плеснул на песок перед его ногами. Еще ночью, лежа без сна, я придумал план, как мне добраться до ожерелья, и теперь я приблизился к громадному идолу с веревкой, каковую с большими предосторожностями обвязал вокруг его пояса, держась подальше от бронзовых рук. Затем я намерен был взобраться на идола сзади, используя для этой цели свободный конец веревки, свисавший с бедер до земли рядом со мной; достигнув середины туловища статуи, я мог бы без труда влезть на бронзовые плечи, и драгоценные камни стали бы моими.

Сперва я попытался подняться по веревке, подтягиваясь на руках, но идол был слишком высок и у меня не хватило сил добраться до талии, где я мог бы найти опору для ног. Я продолжал попытки добраться таким образом до ожерелья, покуда не готов был сверзиться на землю от изнеможения и, потерпев неудачу, принял разрабатывать новый план. На сей раз я намеревался, опираясь на ноги и держась за веревку, шаг за шагом взобраться к поясу идола; так дети, держась за отцовские руки, карабкаются с колен на бедра, а далее вверх по телу до плеч. Я вновь подступил к колоссальн-

ной статуе, но полированная бронза была гладкой и скользкой, точно зимний лед, и ноги мои оскользывались, не находя опоры, будто были намазаны жиром, и через каждые несколько шагов приходилось начинать все сначала. Семь раз я срывался и повисал на веревке в воздухе, безвольно раскачиваясь взад и вперед и не владея собственным телом. После седьмого падения я обезумел от злости и ярости и, будучи наделен вспыльчивым характером, выпустил из рук веревку и с бешенством обежал вокруг идола; оказавшись же перед лицом огромной статуи, я закричал: «Идол, ты ложное божество, и я, Сайлас Фордред, не боюсь тебя, как не страшусь и сотни твоих собратьев!» — и многое еще подобного свойства и, произнося все это, я с диким пылом взобрался на громадное колено, продолжая вызывающе кричать; оттуда я добрался до чресел и, когда моя рука сдавила выступающую грудь, я услыхал звук, напоминавший скрежет металла о металл, и бронзовые руки задрожали, я же в тот самый миг утратил опору и тяжело сверзился на землю, и над головой моей раздался лязг огромных рук, сомкнувшихся на тулowiще, и лязг тот был подобен колокольному звону. Я лежал на берегу, потрясенный и ошарашенный падением, и земля вокруг тряслась, как от близкого удара грома. Некоторое время я пролежал без чувств, ничего не понимая, когда же разум мой вновь возвратился к жизни и я обрел способность рассуждать здраво, я протер глаза, не сознавая, жив ли я и нахожусь на земле, либо же умер и оказался в потустороннем мире, и тогда вспомнил, как пытался сорвать ожерелье с бронзовой шеи и как лязгнули гигантские руки идола.

Солнце светило мне прямо в глаза, и я поднял голову, силясь понять, что же в точности произошло; и, о диво, рядом со мной лежало тулowiще бронзового идола, расколотого на две половины посередине, как

случилось с Томасом Сноудом и теми скелетами, что ваялись вокруг. Нижняя часть изваяния по-прежнему восседала на своем месте, недвижная и никчемная, верхняя же обрушилась на землю рядом со мной, и на шее идола блестели и переливались тринацать больших бриллиантов. Мало-помалу я осознал происшедшее и истолковал расчленение и падение статуи следующим образом: бронзовые руки не нашли тела, что могли бы разорвать и тем остановить свое движение, и со всей силой и мощью сомкнулись на бронзовом туловище самого идола, расчленив его так же, как расчленили плоть и кости Томаса Сноуда, моего друга.

И тогда я поднялся на ноги и сорвал ожерелье с бронзовой шеи, беспомощно лежавшей передо мной; камни были оправлены в чистейшее золото, и вблизи казались намного более крупными и яркими, нежели при взгляде снизу.

Возликовав, я положил драгоценные камни в карман, где уже лежали клыки, что я выдрал изо рта Ведьмы из Башни; затем меня охватил превеликий страх: хотя я человек благочестивый и верую в единого и истинного Господа и Сына Его Иисуса и Деву Марию, я все же опасался, что идол будет искать мести за то, что я ему причинил, и я тотчас же, не мешкая, но то и дело оглядываясь назад в ожидании возможной погони, со всех ног кинулся к воде, высматривая свой корабль и Иса, какому велел оставаться невдалеке. Они оказались поблизости, и я с криком радости ринулся в волны прибоя, не позабыв сперва ощупать свой карман, дабы убедиться, что бриллианты надежно припрятаны; затем я обернулся в сторону земли и содрогнулся от нового приступа ужаса. Иса заметил, с какою поспешностью я нырнул в воду, я же плыл, будто одержимый, ибо меня с быстротой ветра преследовала черная постать из башни, тот, чей образ я разбил молотком — сам зловещий

колдун. Наконец я перевалился через борт корабля и, не произнося ни слова и обливаясь холодным потом от страха и отчаяния, схватился за веревку, стараясь поднять парус; Исав же, осознав, что я тружусь во спасение наших жизней, также подскочил и принялся помогать, хотя и с удивленным выражением на лице, ибо он не понимал, что вызвало такой страх и поспешное бегство.

— Смотри, смотри! — вскричал я. — Он преследует нас! — и я указал на берег.

Исав посмотрел туда и покачал головой.

— Говоришь, там ничего нет? — и я, обернувшись в свою очередь, увидал лишь плоский берег, расчлененное идола и темную листву леса за ними. Лишь когда мы очутились вдалеке от земли и белая морская пена забурлила под нашим килем, я вновь обрел хладнокровие и отринул страх, что охватил меня, когда я спасался с добычей.

Исав все это время глядел на меня с удивлением и некоторой радостью, ибо он заметил разбитое божество, однако же не понимал, что именно произошло, когда я отсутствовал тем утром. Не жалея жестов, я поведал ему, что смог, и когда я поднес к его глазам большие драгоценные камни, он заморгал и улыбнулся, пораженный их чрезвычайной красотой и радуясь при мысли, что я одолел жуткого идола, стоявшего на страже того берега.

В ту ночь парус вздымался у нас над головами, и мы ушли далеко в море, и земля неведомого колдовства и наводящих ужас заклятий скрылась в дали, а вокруг нас простирались и вздыхали безбрежные воды.

Но еще одно таинство ждало нас, когда мы оставили позади колдовской берег, где пережили столько тяжких испытаний, и на сей раз фортуна вознаградила нас, обратив новое волшебство нам на пользу.

Ранее я говорил о трех рукоятях из чистого серебра, похожих на дверные ручки, что вы можете своими глазами увидеть на нашем необычайном баркасе. Вы можете теперь поворачивать их и даже вовсе вывернуть, и ровно ничего не случится; однако же на третий день нашего путешествия, готов поклясться, я из праздного любопытства повернул среднюю рукоять, и тотчас корабль пошел в десять раз быстрее, нежели прежде, будто его подгоняла и несла вперед таинственная сила, подобная чудесам, о каких говорится в Священном Писании. Судно стрелой рассекало воды, и пена весело плясала у бортов, а чудный прохладный ветер овевал наши лица, заставляя кровь живее бежать в венах. Я снова повернул рукоять, и корабль пошел под одним парусом, как и прежде. Другая рукоять служила рулем и с дивной точностью управляла кораблем, и когда обе колдовские рукояти действовали вместе, мы плыли с большой легкостью и быстротой. Семь дней и семь ночей мы мчались вперед, как морская птица, хотя парус наш был свернут; вслед за тем мы остановились без движения, покачиваясь на волнах и, хотя я по-разному поворачивал рукояти, корабль от того быстрее не плыл. Магия, даровавшая ему крылья, иссякла, и мы снова подняли парус и двинулись с более естественной скоростью. Все то время мы глядели на север, и на юг, и на восток, и на запад, ища глазами корабль или населенную людьми землю, дабы нам поведали, по каким странным морям мы плывем, и указали путь к славному порту Хайту и к Англии, моей родной земле.

Хотя мы оставили Остров Ужаса со всем его колдовством позади, наши испытания никоим образом не завершились; и впрямь, порой мне думалось, будто они лишь начинались, ибо что такое быстрая смерть и страшные, но скоро преходящие опасности в сравнении с медленной пыткой голодом и жаждой! Оглядываясь назад

в часы вынужденной праздности, а часов тех для раздумий о минувшем мне выпадало предостаточно во время нашего бесцельного плавания, я осознал, что, как бы ни жалел сам себя, в пору пребывания на проклятой колдовской земле я наряду со страхом и опасностями испытывал определенный и не лишенный приятности душевный подъем. Час за часом я размышлял и гадал, что таит в себе будущее; и одновременно с этой неуверенностью я ощущал в себе некий таинственный дар, что до тех пор не сознавал: разве не познал я испытания и соблазны, какие выпадали на долю немногих людей, и не вышел ли я из этой борьбы более сильным и мужественным? Я счастливо пережил бесчисленные опасности и тем, что был ныне цел и невредим, я обязан был своей отваге и рассудительности; и в тот день, когда мы с Исаевом отправились в путешествие домой, я чувствовал себя иным человеком, более сильным и ясно мыслящим, каким никогда не был прежде — либо позднее, если на то пошло; и мне казалось, что, невзирая на все те беспокойные и тревожные дни, я за многое должен был благодарить пережитое.

И однако же, мне предстояло куда более суровое и тяжкое испытание отваги и мужества, нежели все, что выпали прежде на мою долю, и хоть было оно не столь занимательным, испытание то оставило на мне печать более глубокую и неизгладимую, нежели все мои битвы с колдовством и черной магией.

Первые дни нашего путешествия, как сказано, мы проводили в праздности. Мне о многом нужно было поразмыслить, а Исаев довольствовался тем, что присматривал за мной и готовил пищу. Над нами простиралось голубое небо, и я замечал, что при виде безоблачного неба наши сердца также бились безмятежно и радостно. Когда мы тронулись в путь, я заставил Исаева надеть одежду из синей ткани, каковую в спешке позаимство-

вал в замке, ибо я понимал, что по мере отдаления от острова воздух будет становиться холоднее и одежда ему понадобится. Он носил это одеяние в первые два дня нашего плавания, и хотя я видел, что одежда его раздражала, он ничем не выразил своего неудовольствия. На утро третьего дня он вновь разгуливал волосатым и голым, как прежде, когда же я принялся расспрашивать его, где одежда, он указал на воду, и я невольно улыбнулся, ибо он, со своими отговорками и бесстыдством, во всем походил на непослушного ребенка. Первые две недели нашего путешествия погода нас баловала, и хотя я достаточно долго пробыл в открытом море с единственным спутником, не наделенным членораздельной речью, я не падал духом и не терял веселости. На протяжении всех тех дней мы не видели ни паруса, ни земли, хотя с утра до вечера нетерпеливо стояли на вахте и даже по ночам неустанно искали взором огни либо свет маяка. Я обучил Исава азам мореходного дела, необходимым для безопасного управления нашим судном, и он с большой охотой служил мне, хотя и немало дивился громадному и, казалось, бесконечному простору океана. Мало-помалу теплый воздух уступил место холодному и небесная синева повыщвела. Море также сделалось беспокойнее, и Исав, волосатый человек, какой не был моряком, заболел морскою болезнью и премного страдал. Он недвижно лежал в кубрике, прижимая обе руки к животу, и большие слезы сбегали по его щекам, он стонал и тяжело вздыхал, я же, слыша это, скорбел и жалел его. Спустя некоторое время холод сказался на нем, и он лежал внизу и кашлял так, что сердце мое преисполнилось печали. Несколько дней спустя мы угодили в шторм, вслед за коим воцарился полный штиль, и мы более недели оставались на одном месте, в то время как парус без дела свисал с мачты. В те дни мы потеряли всякий счет времени и

я был сбит с толку и испытывал немалые сомнения в благополучном исходе нашего путешествия. Нас ожидало, однако же, еще одно несчастье, ибо наши запасы провизии начали истощаться, и день ото дня мы ели не более половины рациона и с утра до ночи страдали от жажды, ибо не осмеливались вдоволь напиться из наших быстро опустошившихся тыквенных бутылей. На первых порах, когда мы попали в упомянутый штиль, мы пытались грести, но вскоре слабость духа и тела взяла над нами верх и мы стали беспомощно дрейфовать, терзаемые разного рода безнадежными размышлениями. Не раз сожалел я в те долгие дни, что не остался на острове, и в больших и укоризненных глазах Исава отражались те же дурные предчувствия. Но теперь уже было поздно поворачивать обратно, и мы дрейфовали с еще одним спутником, что присоединился к нам и стоял с нами на вахте, и отныне на борту нас было трое, поименно же — Исав, Сайллас Фордред и Нечистая Совесть Сайлласа Фордреда.

Те дни тянулись без конца, и я отошел и истерзался от раздумий, голода и бездействия. Утром каждого нового дня я говорил себе, что поступил как должно, с добрыми намерениями и не желая причинить никакого вреда, но ближе к вечеру, после того, как я часами глядел на Исава, каковой лежал недвижно и лишь гибельно кашлял, жалко стеная от болезни и недоедания, меня начинали мучить укоры совести и я ощущал, что повел себя одновременно жестоко и глупо, променяв сущу и обильную еду на эту бесплодную пустыню зеленого моря. Ежели фортуна улыбнулась бы нам, думал я, и мы встретили корабль, что оказал бы нам помощь, у меня не было бы причин для подобного самобичевания. Я размышлял обо всем этом час за часом, и мои мысли снова и снова возвращались на круги своя, и в тех кругах я бесконечно блуждал, так что разум оказывал-

ся бесполезен и причинял мне одни страдания. Нередко я начинал глубоко опасаться, что рассудок покинет меня и когда-нибудь меня подберут в открытом море, безумного, с пустым взглядом, в компании одного лишь голого дикаря, полумертвого от голода, болезни и жажды: эта воистину прелестная и безусловно малоприятная картина постоянно представлялась моему воображению.

Я не стану продолжать описание наших заключений; достаточно будет сказать, что я и за все богатства вселенной не согласился бы пережить их снова; поверьте, я испытал больше истинных страданий за эти долгие недели голода и боли в пустынном море, нежели во всех противоборствах с колдунами и бронзовыми идолами. Мы утратили всякое представление о времени и прощем, и каждое мгновение я ожидал, что душа Исаева покинет тело; наконец нам повстречался славный корабль «Королева Мэри» из Плимута, каковой взял нас на борт. Одному Господу ведомо, как долго мы плыли и как близок я был к смерти. Исаев, голый дикарь, оказался менее вынослив, нежели я, умеющий читать и писать и носящий одежду, ибо через три дня после нашего спасения и невзирая на заботы и знаки внимания, коими осыпал нас капитан «Королевы Мэри», сей волосатый человек умер у меня на руках. Он был безнадежно болен, когда нас встретился английский барк, много кашлял и горел в лихорадке, и у него не оставалось более сил после многих дней жажды и недоедания. Мы похоронили его в море; таким образом, из четырех, очутившихся на Острове Ужаса, выжил я один. Две половины Томаса Сноуда были похоронены на морском берегу; Сатана, черный кот, погиб в Чертоге Тьмы, как я уже рассказывал; волосатый человек, Исаев, умер в море на борту корабля «Королева Мэри» от последствий голода, жажды и болезни, вызванной холодными ветрами и непогодой, по-

скольку он не был моряком, но лишь голым дикарем, привыкшим к лесам и сухе.

И так, в одиночестве, возвратился я из первого путешествия, каковое предпринял на своем корабле «Славная Удача», что покоится ныне в глубинах неведомого моря; я вернулся с большими богатствами, но заплатил за них неизмеримо высокую цену и не осмелился бы повторить подобный опыт.

Капитан «Королевы Мэри» взял на буксир мой необычайный баркас с серебряными рукоятями, почему я и сумел привести его сюда; и через тринадцать дней после спасения я сошел на берег в Плимуте, из какового порта направился домой, предварительно наградив моих спасителей благодарственными словами и золотом.

Итак, я снова возвратился в Хайт и, знайте же, написал истинную правду, не присовокупив ничего, что не видал бы собственными глазами, и да смилиостивятся надо мной Господь и Дева Мария, ежели я солгал.

Подписано:
Сайлас Фордред,
шкiper из Хайта.

Засвидетельствовано:
Айвен Уолшман,
секретарь Городского Совета.

Датировано 3-м февраля 1660 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Такова история Сайласа Фордреда, шкипера из Хайта, одного из портов «Союза пяти» в графстве Кент.

Прочитав это странное повествование, я был весьма озадачен. Трудно было поверить, что этот прямодушный елизаветинский моряк выдумал изложенные выше события, тем более что, как свидетельствует его рассказ, был он человеком простым и бесхитростным, не обладавшим особым воображением и фантазией. Я неплохо разбираюсь и в мужчинах, и в женщинах, и мне сложно было бы отнести историю Сайласа Фордреда как сплошную ложь от начала до конца, что сделал бы недалекий и менее вдумчивый человек. Я часто размышлял о странном острове бронзового идола и о том, что там произошло, и понял, что единственным ключом к разгадке этой тайны является надпись, сделанная большими черными буквами:

«ДИГО РОДРИКОВЕЗ»

— которая, по правде говоря, мало чем могла помочь. Тем не менее, многие месяцы эти два слова не выходили у меня из головы, и часто их черные буквы ясно вырисовывались перед моими глазами.

Терпеливое ожидание порой щедро вознаграждается: однажды, когда я рылся в старинных томах великолепной библиотеки Британского музея, я наткнулся на большой фолиант в переплете коричневой кожи, текст которого был напечатан на испанском языке. Надпись на титульном листе гласила на том же языке: «Жизнь и приключения Диего Родригеса». Мне снова вспомнились слова «ДИГО РОДРИКОВЕЗ», и я с воодушевле-

нием принялся перелистывать страницы внушительного тома.

Из книги я узнал, что дон Диего Родригес был человеком широко образованным, весьма злоказненным и искушенным в искусстве алхимии. К концу пятнадцатого столетия он стал Великим Инквизитором Испании и в этом своем качестве стал использовать столь адские механизмы, что его собратья-инквизиторы созвали совет, достоверно установивший, что дон Диего вступил в сговор с дьяволом; также было решено, что во имя процветания и безопасности государства Великого Инквизитора необходимо выслать из страны вместе со всеми его зловещими изобретениями, ибо ни один человек, будь он кардиналом или самим королем, не мог поручиться за свою жизнь: дон Диего умел убивать, не оставляя ран, следов яда или прочих свидетельств умерщвления. В том же году и вскоре после решения совета дон Диего покинул Испанию на любопытном судне собственной конструкции, не имевшем ни мачт, ни парусов, ни гребцов. Он увез с собой все свои колоссальные богатства, и ужас, который он сеял в людях, был так велик, что никто даже не попытался лишить его этих добытых нечестивым путем сокровищ. Его единственной спутницей была маленькая девочка, считавшаяся его дочерью; с ней вместе он вышел в океан.

Судьба его после изгнания окутана некоторой таинственностью, и достоверных сведений о его дальнейших приключениях не имеется. По слухам, он достиг некоего острова, предположительно в Вест-Индии, где сошел на берег и заставил местных туземцев выстроить для него большой замок. Рассказывают также, что как только строительство было завершено, дон Диего принялся истреблять население острова с помощью тех же дьявольских устройств, что стали причиной его изгнания.

По моему мнению, дон Диего Родригес, чью историю я привел в кратком изложении, и являлся «ДИГО РОДРИКОВЕЗОМ» Сайлласа Фордреда: учитывая, что Сайллас мог полагаться лишь на свою память и оставляющее желать лучшего образование, нет ничего удивительного в том, что шкипер из Хайта спустя столько месяцев невольно искал надпись.

Косвенные подтверждения заставляют меня еще больше склоняться к вере в эту теорию: к примеру, среди прочих чудес, приписываемых дону Диего, была способность запечатлевать отражение человеческого лица в зеркале — открытие, несколько сходное с современным искусством фотографии. Это объясняет образ за красной шелковой портьерой, без сомнения воспроизведивший черты дона Диего. Новое появление этого образа в тот момент, когда Сайллас бросился плыть с бриллиантами к своему кораблю, было столь же несомненно вызвано не чем иным, как нечистой совестью моряка — и являлось лишь галлюцинацией перевозбужденного мозга. Большую часть прочих предполагаемых «чудес» породили искусно изготовленные механизмы, которые может воссоздать любой инженер-механик наших дней; это прекрасно доказывается историей с испорченным устройством, приводившим в движение гигантское лезвие, что едва не погубило Сайлласа в главном зале — оно, вероятно, заржавело от долгого бездействия. Далее, я практически не сомневаюсь, что «Ведьма из Башни» являлась сильно постаревшей девочкой, которая сопровождала дона Диего, когда тот покидал Испанию; естественно, Сайллас Фордред увидел в этой бородатой старухе «ведьму» и «колдунью», поскольку большинство его современников, включая и наиболее образованных представителей высших слоев, пришли бы к такому же заключению, в особенности после событий, что предшествовали встрече с ней. Волосатый человек, Исау, по

всей вероятности, был одним из аборигенов острова — единственным туземцем или сыном того единственного туземца, кому удалось вырваться из когтей дона Диего.

В заключение мне остается лишь добавить, что, по моему скромному мнению, именно дон Диего Родригес, а не Христофор Колумб, в действительности открыл Америку.

Примечания

Повесть *Остров ужаса* (*The Fearsome Island*) переведена по первому изданию (Chicago: Hubert S. Stone & Co., 1896).

На фронтисписе — иллюстрация Д. Паунда.

С. 8. ...*Зангвилл* — И. Зангвилл (1864-1926), английский писатель и драматург, деятель еврейского движения, ведущий «территориалист», отстаивавший идею создания еврейского государства без непременной привязки к Палестине.

С. 10. ...»*Союза пяти* — имеется в виду влиятельнейший в средневековой Англии Союз пяти портов в графствах Кент и Сассекс, пришедший в упадок к XVI в.

С. 10. ...*Таун-холла* — Таун-холл — в Англии здание, принадлежащее городскому совету и используемое им для своей работы и общественных мероприятий.

С. 10. ...*королевы Бесс* — Елизаветы I (1533-1603), правившей Англией с 1558 г. и до дня своей смерти.

С. 13. ...*третий день июня 1558 года...* когда королевой нашей была Мария, прозванная Кровавой — Королеве Англии Марии I (1516-1558), умершей 17 ноября того же года, оставалось править страной менее полугода.

С. 13. ...*Дика Уиттингтона...* кошек — Согласно фольклорной легенде, ставшей основой многочисленных пантомим, кукольных спектаклей и т.д., путь успешного негоцианта Р. Уиттингтона (ок. 1354–1423) к богатству и процветанию начался с удачной продажи принадлежавшего ему кота маврам, страдавшим от нашествия крыс.

С. 14. ...*гора с плоской, точно стол, вершиной* — очевидно, Столовая гора близ современного Кейптауна.

С. 16. ...*колет* — мужская кожаная короткая куртка без рукавов, бывшая в ходу в XVI-XVII вв.

С. 19. ...*Господню Молитву* — т. е. «Отче наш».

С. 23. ...*короля Гарри* — Генриха VIII (1491-1547).

С. 24. ...*гроут* — в описываемое время серебряная монета в 4 пенса.

С. 25. ...*баклеры* — Баклер — маленький (до 45 см в диаметре), т. наз. «кулачный» щит; широко использовался в Европе в XII-XVI вв.

С. 29. ...*Фомы Бекета* — речь идет о Томасе Бекете (1119/20-1170), виднейшем политическом и религиозном деятеле XII Англии, архиепископе Кентерберийском в 1162-1170 гг. После гибели от рук убийц в Кентерберийском соборе был почти сразу же канонизирован Католической церковью.

С. 40. ...*олдермены...* *девятый день ноября* — Олдермены — здесь: старшие советники муниципалитета. Девятого ноября в Лондоне традиционно проводился ежегодный парад и другие празднества, отмечавшие вступление в должность нового лорда-мэра; однако Кинросс допускает анахронизм, поскольку так называемое «шоу лорда-мэра» проводилось 9 ноября лишь в 1751-1959 гг. (да 1751 г. — 20 октября, ныне во вторую субботу ноября, независимо от даты).

С. 41. ...*нюрнбергских часах* — В XVI в. славились нюрнбергские карманные часы яйцевидной формы, а также изготавливавшиеся мастерами этого города портативные солнечные часы-складни, т. наз. «диптихи».

С. 79. ...*февраля 1660 года* — так в тексте; вероятно, опечатка или ошибка автора, вместо «1560».

Об авторе

Альберт Кинросс (1870-1929) — английский журналист и писатель, уроженец Лондона. Сотрудничал с *Boston Evening Transcript* (лондонский корреспондент в 1896-1898 гг.), был помощником редактора *London Outlook* (1898-1900), театральным критиком *London Morning Post*. Публиковался в журналах *Century*, *Harper's Magazine*, *The Pall Mall Magazine*, *Overland Monthly*, *The Windsor Magazine*, *Atlantic Monthly* и *The Strand Magazine*. В период русско-японской войны был специальным корреспондентом в России, позднее выступал с журналистскими расследованиями, а также в качестве художественного критика и книжного рецензента. В 1907 г. оставил журналистику, чтобы целиком посвятить себя литературе, публиковал романы и рассказы. Во время Первой мировой войны вернулся к журналистике; служил во Франции и на Ближнем Востоке, основал армейские периодические издания *Balkan News* и *Palestine News*. В 1917 г. опубликовал в *Atlantic Monthly* очерк *Торпедированы*, где описал пережитое им на борту корабля, потопленного немецкой подводной лодкой. Умер от пневмонии в Тарнбридж-Уэллс.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.